

Шифр

приключения фантастика

Библиотечка «Уральского следопыта»

СЕГОДНЯ

В НОМЕРЕ:

ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА

Вот здесь луч глаза прошёл-ся по группе людей, пытавшихся спрятаться за углом. От некоторых остались только размытые очертания на развалинах каменной стены. Р. Пресли «За дель до вечности»

СЛУЧАЙНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Ранним утром два геолога, тешно пытавшиеся стучом в окно разбудить хозяйку, догадались толкнуть дверь. Хотя были мертвы. В. Привалкин «Таёжный детектив»

УБИЙСТВО ПО ОБЪЯВЛЕНИЮ

Но Джеральду приходится работать в ужасно трудных условиях. Он не может убить меня так, чтобы это походило на убийство, вынужден играть роль заботливого мужа и предупредительного джентльмена. Д. Уэстлей «Не траси фамильное древо»

ПО МОЛИВАМ ПОВЕСТИ
Г. ГАРРИСОНА.
РИС. КОЖЕВНИКОВА И.В. 1-1990

за ДЕНЬ go ВЕЧНОСТИ

РОБЕРТ
ПРЕСЛИ

ВЧЕРА был на редкость спокойный день. Никого не пришлось убивать, и меня никто не пытался прикончить. Почти как в старое доброе время. Сейчас трудно себе представить, но существовал же когда-то мир, в котором люди при встрече обменивались не выстрелами, а улыбками. Конечно, если не было войны. В мирное время только люди особого сорта способны убивать, не испытывая этических неудобств. К их числу принадлежу и я. Это, конечно, не врожденное, но, вероятно, у меня все же были определенные задатки, и потребовались лишь необычные обстоятельства, чтобы они развились в полную силу.

Так или иначе, но вот уже двадцать четыре часа, как я ни разу не взял грех на душу. Или, если уж быть совсем точным, тридцать часов. Тридцать часов за рулем красной «Берлинетты». Тысяча миль за тридцать часов.

Если когда-нибудь люди снова заживут так, что смогут позволить себе заниматься разными благоглупостями, вроде мемориальных излишеств, неплохо бы кому-нибудь догадаться увековечить память основателя величайшей автомобильной компании мира Энцо Феррари. Не со всякой машиной можно так по-свински обращаться, как я с моей «Берлинеттой». Говорят, это лучшая спортивная машина в мире. Не стану спорить. Шестьсот миль по разбабаханному бездорожью, двести горными крутизнами и еще столько же в сумме каменными завалами городов. Почти без остановки. Тысяча миль за тридцать часов.

Машина под завязку натолкана таким количеством съеденного в консервированном, свежемороженом и всех иных видах, что по дороге можно не набрасываться на мирных обывателей и не лишать их скромного обеда. Останавливаю только на брошенных бензозаправочных станциях, подкармливаю «Берлинетту». До сих пор горжусь своим умением вскрывать замки с помощью канцелярской скрепки.

Конечно, не все еще станции окончательно заброшены. Иногда там можно найти одиноких идиотов, которые до сих пор не поняли, что к чему. Не способны сообразить, что

рано или поздно придется расстаться со своим драгоценным имуществом и еще более драгоценной жизнью. Продолжают жить во вчерашнем дне, не желают приспособиться к новым условиям. Потому-то их и убивают.

Но таких идиотов становится все меньше. Мне за всю дорогу вообще никто не попался на глаза. Ни души. За тысячу миль. В основном, наверное, потому, что ехал я по главным автострадам, вдоль которых ни один нормальный человек идти не отважится. К тому же здесь, на севере, и прежде, в более спокойные времена, было не такое уж большое население. А вернее всего то, что люди сами прячутся от меня: человек за рулем быстроходной машины, скорее всего, хорошо вооружен, и не стоит переходить ему дорогу...

Вот ситуация, когда для людей человек становится одним из отвратительных чудовищ, населяющих нашу планету. Их можно понять. После всего, что я натворил, нельзя это дело всего человечества врагом номер два. Враг номер один это, конечно, Варвары. Но меня ненавидеть гораздо проще. С Варварами ничего не поделаешь. А меня можно застрелить, зарезать, задушить и т. д. и т. п. Конечно, при условии, что я не умею выстрелить, пустить в ход нож, вцепиться в горло и т. д. и т. п. Надо сказать, до сих пор мне это удавалось.

Если долго практикуешься, навыки самообороны становятся почти автоматическими. Убедиться, что дорога впереди свободна и безопасна. Одна рука — на руле. Другой, не глядя, нащупать оружие. Где оно лежит. Прежде всего, испытанный смит-вессон. Теперь Магнум. Свобода выбора калибра при ограниченных боеприпасах. Пошли дальше, шмайссер, для тех случаев, когда особенно не заботишься, в кого попадешь. Русский токарев — специально для стрельбы по удаленным целям. Гранаты. Бомбы. Пластиковые. Магнитные. Дымовые шашки. Последнее, между ног, под брюками, самое дорогое оружие — малютка браунинг. Совершенно бесполезен, если только не пустить его в ход на расстоянии вытянутой руки. И даже так его трудно заметить. Действительно, чисто женское оружие. Интересно, почему я его все-таки прячу именно там? Так, с оружия перешел на женщин. Сейчас начну вспоминать всех женщин, которых упустил за последнее время. Ни в коем

Перевод Е. Нагорных.

случае, в сторону эротические фантазии. Положи руки на руль и смотри, куда едешь. Потому что уже город.

Справочные данные: население 400 000 человек, визуальные данные: население отсутствует. Чему верить? Справочнику или собственным глазам? Опыт подсказывает: и тому, и другому. Справочник напечатан еще до нашествия Варваров, которое отучило людей жить вместе. И хотя улицы выглядят вымершими, я достаточно поездил, чтобы знать, что за мной наблюдают гораздо больше людей, чем можно себе представить, глядя на пустые окна заброшенных зданий. С какими чувствами наблюдают, враждебно или нет, тоже никаких сомнений. После нашествия сам по себе вопрос некорректен.

Чуткая «Берлинетта» рванулась вперед и быстро вынесла меня из районов новостроек на мост, а оттуда — в старый город.

ПО-ПРЕЖНЕМУ никаких признаков жизни. А призраки смерти повсюду. Плотные ряды домов, когда-то составлявших улицы, то и дело прерываются жуткими провалами. Крупнокалиберные глаза. Целые кварталы застывшей массы расплавленного камня и человеческих тел. Похоже на затвердевшую лаву: даже «Берлинетту» начало встряхивать на дороге, превратившейся после Варваров в вулканическое плато. Вот что вызывает ненависть к Варварам — бессмысленные убийства людей и безжалостное уничтожение созданного людьми. Кое-какие чувства у меня все-таки сохранились. А может быть, Варвары по-своему правы: враг есть враг, и если он имеет обыкновение скрываться в домах, тем хуже для него.

Вот здесь луч глазера прошелся по группе людей, пытавшихся скрыться за углом. От некоторых остались только размытые очертания на остатках каменной стены. Другим повезло меньше: луч глазера — черт его знает, как он там называется, — остановил их на бегу. По растрескавшемуся лицу мертвого старика легко догадаться, что он испытал, пока ждал смерти после того, как его рука и нога намертво прикипели к стене дома. Но самое страшное — я увидел, свернувшись на соседнюю улицу — тело девушки, даже девочки. Лет двенадцати или тринадцати, если судить по едва начавшей оформляться груди. Одежда сгорела от пламени глазера, и если бы не смятые бортики груди, я бы даже не понял, кем был раньше этот обрубок тела, без головы, подвешенный к выпиравшей балке за две тонкие ниточки из расплавленного камня и плоти, отходившие от плеч.

Вперед, вперед, и не думать об этом.

Нет, не думать нельзя. Просто твою ненависть не должно превратиться в оружие против тебя самого. Не давай ей притупить твою осторожность, разорвать тонкую паутину сплетенного тобой заговора. Скоро все будет готово. Ждать. Сохранять спокойствие. Все убийства, которые тебе пришлось совершать, все мерзости, на которые ты шел, чтобы сохранить свою главную тайну, канут в Лету, когда эта тонкая паутинка будет сплетена до конца и враг обратится в жалкую гостку пыли...

На улице что-то неуловимо изменилось. Здания не так тесно прижаты друг к другу. Более старой постройки. Сбросил газ. Как раз вовремя. Едва не проехал мимо. Ветхое одноэтажное строение с балконной вывеской. Гостиница. Больше похожа на старые конюшни.

Хотя «Берлинетта» изрядно пообтерхалась в дороге, рядом с этим скотным двором и она выглядела чересчур шикарно. Контраст, способный привлечь внимание последнего лопуха. Я, вздохнув, развернулся и, оглябая каменные завалы, загнал «Берлинетту» во двор.

Прежде чем выходить из машины, рассовал по карманам чуть не половину своего арсенала. Теоретически никакой опасности быть не должно. Но кто его знает. Потом, не поднимаясь, немного размялся. Со мной уже не раз случалось, что после долгой езды ноги так затекли, что, выбираясь из машины, я просто шлепался на землю. Но это было в полях. В городе такой роскоши нельзя себе позволить.

Я выбрался из машины, еще раз огляделся по сторонам и поднялся на крыльцо, ощупывая ногами грузоподъемность удручающе расплывающихся ступенек. Звонка не было. Дверь оказалась запертой. Кулаком не достучишься: судя по слабому глухому звуку, толщина не меньше четырех-пяти дюймов. Пришлось вновь поработать ногами.

В первое мгновение вопрос стоял так: кто успеет выстрелить первым? Старик, открывший скрипучую дверь, выглядел довольно безобидно. Чего нельзя было сказать о его пистолете, направленном мне в живот. Как всегда, реакция опередила опасность. Одного выверенного удара оказалось достаточно, чтобы старик оказался безоружным, а его пистолет улетел куда-то за дверь. Наверно, на этом можно и остановиться. Только застарелая привычка заставила меня пробарражировать носком ботинка пах теперь уже бывшего противника. Старик закричал от боли, и мне почему-то показалось это очень странным. Понятно, если бы на его месте оказался я или вообще человек примерно моего возраста. Но он? Я перепрыгнул через корчившееся тело и полотечвал внутренность особняка несколькими очередями из шмайссера.

ЗРЯ трачу патроны. В коридоре и комнате никого не было. Я поднял старика с пола и, придерживая одной рукой, другой пошарил под прилавком. После того, как я влил в несчастного полбутылки бренди, он, наконец, пришел в себя. Я поднял пистолет, автоматически проверив боекомплект, спрятал в карман куртки, а затем спросил:

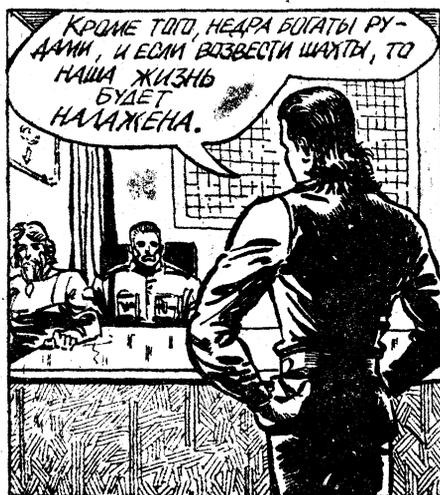
— Кто здесь еще, кроме тебя?

Старик закашлялся, попробовав заговорить, но его вырвало. Вторая попытка оказалась успешнее:

— Я, жена и дочь. Это и есть — ты!

— Не задавай дурацких вопросов, — я несколько раз сильно ударил его по щеке. — Какая тебе разница? Проходишь, хочешь остановиться. Можешь меня принять?

Старика струхнул, весь позеленел, затрясся, выдал натораз

— Сэр, это очень маленький дом, разве только отдохнуть и подкрепиться с дороги... Уже много лет мы не принимаем гостей.

— Дом выглядит вместительным. Наверняка есть свободные комнаты.

— Нет-нет. Мы живем слишком далеко от центра, спрос окончательно упал. Стало невыносимо содержать гостиницу. От кровати и другой обстановки пришлось отказаться. Некоторые комнаты еще используем под кладовые. А остальные стоят пустыми, если не считать за постояльцев сырость и плесень.

— У тебя должна быть хотя бы своя собственная комната.
— Но в ней только одна кровать. Я бы охотно уступил ее вам, вот только моя жена...

— Что твоя жена?

— Она не встает с постели. Уже много лет.

— Встанет, если понадобится. А твоя дочь, она где спит?

— У нее отдельная комната.

— Переберется в твою. Можете спать все вместе.

Он покачал головой.

— Нет, понимаете, это такая болезнь... У жены сильные боли. Она может спать только одна. Даже мне приходится спать на полу. — Он опередил мой следующий вопрос. — Дочка не может устроиться рядом. В доме больше нет ни матрацев, ни белья. Разве что...

Я вполне уловил ход его мыслей.

— Разве что я сам немного ее потесню. — Он опустил голову. Может быть, кианул, а может быть, старику было стыдно.

Может быть, мне тоже должно быть стыдно. Но нашествие Варваров лишило нас стыда. Так сложились обстоятельства, деваться теперь некуда. Непристойная шутка, разыгранная в лицах. Я — главное действующее лицо.

— Пойду, принесу чего-нибудь поесть из машины, — сказал я старику.

— У нас достаточно продуктов. Ничего особенного, но вполне достаточно.

— Предпочитаю консервы. Есть хотя бы уверенность, что в них ничего не подмешано.

Старик смущенно моргнул.

— Здесь вы в полной безопасности.

— Хочется верить.

Я взял початую бутылку и двинулся к выходу.

— Ладно, о еде позаботимся позднее, сейчас не до того, слишком устал. Покажи мне мою комнату.

Шаркающей старческой походкой он поплелся вперед.

Постороннему наблюдателю, наверное, нелегко было бы определить, кто из нас двоих моложе. Во всяком случае, ноги у меня поднимались не выше, чем у старика. Так что я вовсе не преувеличивал, утверждая, что здорово устал.

ПРЯДОМ по темному с низким потолком коридору, мы остановились у нужной двери. Я вынул из кармана пистолет и, не разряжая, вернул старику:

— Только без глупостей. Мне нужно четыре часа нормального отдыха. С помощью этой штуки ты должен обеспечить мой покой. Если кто-нибудь или что-нибудь попытается проникнуть в дом, стреляй. Что касается тебя — дверь будет заперта. Я очень чутко сплю, даже если сильно устал. Малейший шум — и я превращу тебя в щепки вот этим шамассером. Так что шансов у тебя будет очень мало. Понял меня?

Ответ мне был не нужен. Старик до сих пор держался за место, куда пришелся мой удар. Церемония знакомства еще не скоро забудется. Может быть, попозже он вспомнит о собственной безопасности и задумается, удастся ли ему выбраться из этой истории живым. Вряд ли ему придется долго размышлять, чтобы найти единственный правильный ответ на этот вопрос.

Девушка, дочь старика, сидела на краю кровати. На довольно симпатичном лице — впрочем, это совершенно неважно — выражение настороженности. Но в ее позе ни малейшего напряжения, и я подумал, что эта слишком явная настороженность предназначена скорее старику, чем мне. Настоящий профессионализм; немногие в ее положении смогли бы сохранить самообладание. Она окинула меня наметанным взглядом податного инспектора, проверяющего сомнительный отчет:

— Чуть что не так, и ты вылетишь из комнаты в два раза быстрее, чем ворвался сюда. Возможно, от нас обоих останется мокрое место, но меня это не очень волнует.

— Постараюсь запомнить на будущее.

— Вот так-то лучше. Что еще скажешь?

— Я только хотел добавить что у меня очень хорошая память. А тебе нечем похвастаться?

— Разве что хорошим зрением.

— Всегда находишь то, что ищешь?

— Нахожу то, что нужно найти.

Мы оба улыбнулись. Постороннему ничего не понять, абракадабра, а мы убедились, что все в порядке. Это именно та девушка, к которой я ехал. Девушка, знающая, где спрятана бомба. Последнее звено в длинной цепочке Искателей. Некоторые из них занимались поисками людей, особые способности которых мне нужно было использовать. Другие искали нужные мне сведения, и совсем немногие, как вот она, находили для меня секретные хранилища и то, что там хранилось.

— Меня зовут Эльни, — сказала она. — Наверное, не имеет смысла спрашивать твое имя.

— Чем меньше знаешь, тем меньше сможешь рассказать, если тебя когда-нибудь поймут.

— Я думала, люди вроде тебя знают, как заставить свидетелей молчать. Просто чих — и готово. — Она провела рукой по горлу.

— Я смотрю, тебя не очень огорчает такая перспектива? Эльни пожала плечами.

— Что уж такого ценного в нашей жизни? Ее продолжительность определяется временем между моментом рождения и моментом, когда какой-нибудь Варвар решит, что ты ему мешаешь.

Она смущенно поерзала по кровати.
— Извини.

Сидя, Эльни наклонилась вперед и осторожно достала откуда-то из-под себя странное устройство, напоминавшее плоскую металлическую банку с отогнутой не до конца крышкой.

— Примитивно, но действует наверняка, мощность около 50 фунтов. Если бы ты оказался не тем, кого я ждала, мне надо было бы только чуть-чуть подвинуться. Общим концом. — Она отвела боковые зажимы бомбы и сцепила их вместе.

— Ну, теперь можно спокойно поговорить. Настоящий профессионал, я не ошибся.

— Что это за маскарад со стариком и его болящей супружницей?

— Эти-то? Просто часть декорации. Конечно, не мои родители. Они даже не женаты. Не знали друг друга до тех пор, пока я не получила сведения, что ты должен появиться. Гостица действительно принадлежит старику, но его настоящая жена умерла лет двадцать тому назад, еще до нашего. А эта несчастная женщина действительно инвалид. Хотя бы часть легенды должна соответствовать истине. Короче, разыграли сценку.

— Как мы?

— Да, только роли у них эпизодические. С яями все в порядке, я проверяла. Однако пришлось хорошенько прилупить, старик теперь ходит на цыпочках, а бабе с лежанкой, видимо, вовек не расстаться... Они уверены, что я замияировала весь дом.

— Ты и на самом деле?

— Чепуха. Только часть, — последовала пауза. — Пароль ты назвал правильный. Но можешь оказаться мертвецом или Варваром, состриланным под человека. Это уже твоё дело. Может быть, сейчас не самое подходящее время ложиться в постель, но чем быстрее ты разденешься и ляжешь со мной, тем раньше я смогу убедиться, что ты не Варвар, а действительно Хранитель Памяти.

— А если у меня не получится?

— Тогда поподробнее узнаешь, где я прячу мины.

— Понимаешь, — сказал я, начав раздеваться, — вот вся эта штука с парной идентификацией не застрахована от случайностей. Я провёл тридцать часов за рулем и могу расстаться с жизнью просто потому, что здорово устал.

Она рассмеялась.

— А почему думаешь, меня направили на эту работу? Раньше я занималась совсем другим. И в другом месте. Там нас обучали как раз тому, что необходимо на теперешней должности. Со мной, сэр, всю усталость как рукой снимет. Могла бы все-таки отвернуться. И не паять во все глаза

за на незнакомого человека, пока он не остался в чем мать родила.

— Выглядишь ты совершенно по-человечески, — прищелкнув языком, заметила Эльни. — Даже очень по-человечески. Но я слышала, Варвары и это могут имитировать. Есть поэтому только одна вещь, на которую они не способны.

Каким-то неуловимым движением она в одно мгновение расстегнула молнию на спине.

Я решил вернуть комплимент:

— Ты тоже выглядишь вполне по-человечески.

Она покачала вытянутым указательным пальцем.

— Сейчас посмотрим, кто есть кто.

КАК я и просил, она разбудила меня ровно через час пятнадцать минут. Мы быстро оделись.

— Сколько у нас осталось времени?

— Совсем немного. Обычно они появляются около восьми утра. Сейчас как раз почти восемь.

— Где они околачиваются?

— Около университета, заняли его сразу после приземления. Ну, не совсем сразу...

— Понятно. Предварительно пришлось вывести из строя все источники электроэнергии, по ходу дела уничтожая тысячи людей, чтобы вбить в голову оставшимся в живых, насколько бессмысленна любая форма сопротивления. У вас тут, кажется, все обошлось лучше, чем в других городах, где я был. Не будь у меня возможности убедиться в их обстоятельности, я бы не поверил, что они забрался так далеко на север.

— В январе и феврале, — ответила Эльни, — когда река покрывается льдом, они не выходят из университета. Собственно, только поэтому мне и удалось найти все, что тебе нужно.

— Даже если и так, наверное, это все же было непросто. Их Глаза повсюду.

Она кивнула.

— Вначале и нас Глаза смущали, — непонятно, кто это «мы», наверное, местная группа сопротивления. — Мы не могли понять, как они действуют. Варвары лишили нас электричества; мы не могли поддерживать связь, не могли собрать необходимое оборудование. И как ты знаешь, любая форма передачи энергии длительностью хотя бы в несколько минут для них — смертельный яд. Поэтому было непонятно, как они передают информацию, пока мы не убедились, что Глаза — живые.

Я продемонстрировал профессиональные навыки Хранителя Памяти.

— У них функциональная искусственная протоплазма. Чувствительность довольно низкая. Способна передвигаться в воздушной среде. Воспринимает сочетания предметов псевдооптическим способом и передает полученные данные хозяевам. Монтилья из Мадрида считал, что здесь действует что-то вроде телепатической связи.

— Считал? Почему в прошедшем времени? Это один из ваших?

— Монтилья? Нет. Он достался Варварам. Это было неизбежно. Он не умел разрезать Глаза настолько быстро, чтобы они не успели передать сигнал о враждебных действиях. Этот человек заслуживает уважения. Знал, на что идет.

— Да, конечно. Вы все такие герои.

Я бы, конечно, мог спросить, почему это в ее голосе появилось столько иронии. Но и так ясно. В борьбе за существование не может быть особого героизма. Конечно, на это можно возражать, что не всякий вступает в борьбу. Но мир всегда состоял из тех, кто готов переносить рабство, и тех, кто сопротивляется порабощению. И поскольку действия последних всегда вызывают еще более жестокие карательные меры, солдаты рабы относятся к борцам ничуть не лучше, чем к самим Варварам. Эльни и я принадлежали к тем, кто выбрал борьбу. С нашим «безумством храбрых» нам удалось выжить, одним из немногих, большинство же погибло только потому, что придерживалось единственно разумной тактики: лизать сапоги своим поработителям. То, чего Варвары не могли выведать с помощью своих Глаз, они узнавали от нас, людей. Никакой Глаз не способен проникнуть в человеческую душу и разглядеть в ней ростки бунта. Мы могли это сделать. И сделали. Вот почему они позволяли мне рыскать по всему свету, красть бензин и еду, таскать с собой кучу оружия, выискивать потенциальных бунтарей.

ДО СИХ пор мне везло. Никто из моих не попадал на допрос. То есть для пыток. Варварам никто не способен солгать. Боль есть боль. Зверски изуродованное тело и

сознание собственной агонии, когда наблюдаешь, как превращаешься в ничто под лучами умело отрегулированных глазеров. И все рассказываешь. Рассказываешь как миленький. Раньше внутренний голос говорил тебе: ты должен уважать себя, ты не скажешь им ни слова. Знаешь, что сколько бы ни выболтал, все равно тебя превратят в кусок застывшего шлака. И все-таки говоришь.

Поэтому лучше застраховаться. Успеть первым. Выживает быстрейший, связываешься с нужным человеком. Узнаешь от него все, что тебе нужно, а потом убиваешь его. С мертвого ничего не спросят. Никому нельзя доверять. Кроме мертвецов. Мы все это знаем. И поэтому все ненавидим друг друга.

— Ну, — снова заговорила Эльни, — если Монтилью не убили, это следовало сделать. Мне повезло, что я оказалась в конце цепочки. Иначе ты бы ведь меня убрал?

— Конечно.

— Безо всякой жалости?

— А ты сама когда в последний раз кого-нибудь пожалела? Ты, кажется, что-то говорила о Глазах?

— Все оказалось очень просто. Аэрозольные инсектициды. Не могу объяснить почему, но это на них действует.

— Любые аэрозоли. Почти универсальное средство. Некоторые используют лак для волос, иногда духи. Собственно, так и не удалось выяснить, что их убивает: аэрозоль сам по себе или какие-то особые вещества. Но бомбы, конечно, эффективней.

Артур ГОРДОН

СПОР в домике таможенной заставы на американской стороне был таким же жарким, как и погода. Отец Франсиско услышал этот спор еще издали, спускаясь в своей пропылившейся сутане с холма. Он угостился у отца Кахилла, американского коллеги по наставлению на путь истинный, превосходным обедом — роскошь, которую позволял себе лишь по пятницам, — и теперь возвращался к своей чужой пастве на мексиканском берегу Рио-Гранде.

Переход через мост всегда наводил отца Франсиско на размышления. Важная пограничная линия, проходящая по середине глинистого русла реки, была совершенно незаметна, но тем не менее, она существовала. Так же, как и незаметная, но многозначная линия, отделяющая греховное по-

ведение от праведного, или добро от зла. На эту тему отец Франсиско всегда читал длинные проповеди — до тех пор, пока его угловатое лицо с заметными признаками ацтекского происхождения не начинало блестеть от чрезмерного напряжения и обильного пота.

Он был убежден, что все люди в основе своей добропорядочны. Но иногда, когда в них вселяется дьявол, могут быть злыми и жестокими.

Священник заглянул в дверь домика, где громко спорили таможенные инспекторы Хансен и Кон. Спор мгновенно утих.

— Привет, падре, — поздоровался высокий блондин Хансен, косая са-

жень в плечах. — Может, зайдете на минутку и рассудите нас?

Низкорослый священник вошел и уселся на край стола. Затем спросил на своем изысканном английском:

— Не объясните ли, о чем речь, друзья?

— Нам сообщили, — начал Хансен, — что некий Педро Гонзалез, который ловит в Мексике ядовитых змей и продает их в Техасе...

— ...давно уже занимается контрабандой, — закончил Кон. Потом добавил: — Наркотики, падре. Опиум. Возможно, и героин.

— Это дурно, — наморщил брови священник. — Но, может быть, — тут

ДЬЯВОЛИ

Пер. А. Халамайзера.

— Не волнуйся. Все в порядке. На сколько назначен Большой Взрыв?

— Сегодня вечером. Ты правильно определила место?

— То есть?

— Место, где заложена бомба. Мы знаем, здесь все начинено бомбами и боеголовками. Не зря ведь столько лет наши тупоголовые собратья готовились к взаимному уничтожению. Чтобы взорвать все эти залежи смерти, потребоалась бы целая команда специалистов. Но две или три бомбы, установленные в районах нестабильных разломов коры, примерно в полумиле под землей, полностью подготовлены к применению и подключены к надежно укрытым пультам управления. Достаточно нажать кнопку.

— Одну из них я нашла.

— Далеко отсюда?

— Прямо здесь. В подвале.

Я улыбнулся. Не могу сдержаться. Не то чтобы это была невольная улыбка. Просто, если бы я не улыбнулся, я бы, наверно, заплакал. После долгих, долгих месяцев без единого провета как хорошо, как необыкновенно хорошо было узнать, что хоть где-то все идет нормально.

— Я знала, что ты будешь доволен. Нам уже ничего не грозит. Они ведь теперь не смогут тебя поймать. Все закончилось.

— Почти. Если она сработает. Должна сработать. Расчеты делал Фабриччи. Покойный Фабриччи.

Потом мне пришлось сделать передышку. Эти несколько минут принадлежали только мне. Это только мое дело и больше ничье. Достаточно сказать, что она поняла меня. И отклик-

нулась чисто по-женски. Не как любовница. По-матерински. Материнский инстинкт, мы никогда до конца не взрослеем. Я хочу сказать, мужчины. А женщины — взрослеют. Может быть, они взрослые уже от рождения.

— Когда ты сказала, что все уже почти закончилось, я знаю, ты говорила о Варварах. Что мы от них почти избавились. Но я подумал о другом. О том, что приходится убивать таких людей, и как Фабриччи. Людей, которые принимали во всем этом участие. Без которых мы не смогли бы обойтись. Неужели это было необходимо?

— Ты же знаешь, что да.

— Наверно. Будь прокляты эти Варвары! Их совсем не много, а как хорошо сработали, как растоптали нас. Расчак, из центра, еще один славный парень, которого мне пришлось убрать, — вот кто умел выражать свои мысли — он говорил, невольный террор — это как болезнь. Вирусная инфекция. По сравнению с телом, в которое вирус проникает, он неизмеримо мал. Но он лишен разума и жалости, и поэтому способен убить. А если и не убивает, то валит с ног. Так здорово, что большой способен защищаться только исподволь. Маленькими шажками, по нарастающей. Как мы. А иногда пораженное вирусом тело должно расстаться с какой-то своей частью, чтобы выжить. Как мы.

Она отвечала очень мягко, старалась меня усладить.

— Все закончилось, все уже закончилось.

Я отодвинулся от нее, поднялся.

— Еще нет. Может быть, для тебя. А мне еще кое-что нужно сделать. Пойдем.

отец Франсиско

лицо его просветлело, — может быть, вас неверно информировали?

— Не думаю, — покачал головой Хансен. — Сообщения нашего агента обычно подтверждаются. Подумайте только, как он это обставил! Каждую пятницу после обеда, вот в это время, Педро пронесит через границу свой ящик со змеями. Кобры, гремучие змеи, коралловые аспиды... И все они дьявольски ядовиты... Ох, падре, простите за такое слово!

— Сказали бы уж: опасны, как дьявол, — улыбнулся священник.

— О'кей! Опасны, как дьявол! Так вот, Педро поставляет этих гадов Жи-

му Маннфреду, аптекарю, а тот с хорошим наваром перепродает их фармацевтической фабрике, изготавливающей сыворотку из змеиного яда. Вы же понимаете: кому охота тщательно осматривать ящик с гремучими змеями...

— Мы полагаем, — угрюмо добавил Кон, — что под крышкой или еще где в ящике он прячет несколько унций героина или фунт другой опиума и спокойно идет через таможеню. — Он помолчал и посмотрел на свои часы. — Уже запаздывает. Вот-вот появится.

— Обсуждая это дело, — загово-

рил Хансен, — мы... не могли решить проблему, кому из нас лезть в этот проклятый ящик...

— Проблема, действительно, непростая, — кивнул священник. А Хансен и Кон стали горячо продолжать начатый спор:

— Как человек со слабым сердцем, я не могу...

— А я, как отец двух малолетних детей...

— Перестаньте ругаться, — остановил их священник. — Эту проблему можно решить только одним способом.

— И достал из кармана под сутаной монету. — Орел или решка? — обратился он к Хансену.

Хансен не угадал и заметно побледнел. Обследовать ящик выпало ему.

— А вот и ваш Педро! — воск-

ПО ПУТИ в подвал я еще раз красноречиво продемонстрировал старику свой шамейсер. Хотя теперь в моих жестях было, кажется, меньше угрозы, чем раньше.

В подвале безукоризненная чистота. Стены покрыты белым пластиком, пол выложен виниловой плиткой. Пульт управления — поистине Авгиевы конюшни схем, кнопочек, тумблеров, реле и всякой лампочной миготни.

— Ты понимаешь, что здесь к чему? — спросила она.

— Совершенно не понимаю. Я же не ученый. Да мне это и не нужно. Все то же сравнение с телом, пораженным вирусом. Чтобы сопротивляться, оно использует множество разных клеток с разными функциями. Фагоциты, лейкоциты, клетки, выделяющие антитоксины. Я специалист только в своей области. Как ты. И Фабрички. И все остальные. Ты умеешь искать. Фабрички был нашим лучшим математиком. Расчак специализировался по атомной физике. У меня — у меня необыкновенная память. От меня требовалось облазить земной мир, найти нужных специалистов и запомнить все ценное, что им удалось сделать для нас в своей области. Но, честно говоря, сам я понимаю только очень малую часть того, что запомнил.

— А если бы ты погиб на дороге. Нельзя все взваливать на одного-единственного человека.

— Еще и потому, помимо всего прочего, мне приходилось столько убивать. Я должен был сюда добраться. Но я, конечно, не единственный. Не знаю, сколько еще Хранителей Памяти осталось в живых, но знаю — или, по крайней мере, верю — что сегодня в назначенный час многие из них смогут сделать то, что приказано. Первоначальный план принадлежит моему соотечественнику, Джеральду Блэкмору. Не слышала о нем? Нет, конечно. Он был биологом. Работал в управлении ядерных исследований. Счастливое совпадение. У нас не было

возможности изучить тело мертвого Варвара, и, естественно, никакой надежды поработать с живым. Поэтому информацию ему пришлось собирать по кусочкам. Например, он узнал, что они не выносят холода. Или что радиоволны для них смертельны. Что шум приводит их в ярость. Блэкмор собрал все эти сведения и на их основе создал теорию, согласно которой их всех можно убить вибрацией. Но для этого потребовалась бы огромная энергия, добыть которую, казалось, нелегко. Эквивалент 50 тысяч мегатонн. И все эти мегатонны нужно взорвать одновременно на всем земном шаре в 18 разных точках. Поэтому решили набрать команду Хранителей. Остальные, вроде тебя, занимались каждый своим делом, а мы собирали и сопоставляли результаты. В общем, набралось около десяти тысяч мегатонн. Понятно, не всем удалось добраться до пункта назначения.

В подвале не было холодно, но она дрожала.

— А если выжило меньше Хранителей, чем вы рассчитывали. Это же будет ужасно.

— Остается только ждать. Не думай об этом... Теперь уходи, не мешай. Часовой механизм на этой штуке требует точной настройки. Не оталекай меня.

Ей очень не хотелось идти. Стала жаловаться, что чувствует себя бесполезной для дела. Теперь мне пришлось ее успокаивать. Говорить, что свою задачу она выполнила, а остальное — мое дело. Кажется, это ее не слишком утешило, но я настаивал на своем.

Когда у тебя в мозгу целая таблица часовых поясов, работать легче. Базовое время по Гамльтону, Бермудские острова. Это Гринвич минус 4 часа. Здесь большой взрыв должен произойти в 23.13. Плюс-минус две минуты. Проверил по хронометру. Щелкнул тремя переключателями: в пульте что-то

Артур Гордон. Дьявол и отец Франсиско

(Окончание).

ликнул инспектор Кон, весьма довольный исходом жребия.

Мексиканец в широкополом сомбреро гнал через мостик унылого ослика, на спине которого покачивался деревянный ящик с отверстиями для воздуха. Через несколько минут ящик был внесен в домик. Из него явственно слышалось угрожающее шипение.

Бросив ненавидящий взгляд на лицо под сомбреро, инспектор Хансен молча натянул высокие резиновые сапоги, надел толстые перчатки и приготовил большое жестяное ведро изпод мусора. Заметно потея, он поднял ящик и направился в ванную.

— Ты католик, Педро? — спросил по-испански священник.

— Си, падре, — не меняя позы и не раздумывая, подтвердил Педро.

Отца Франсиско не обрадовало это признание, и он медленно опустил взгляд.

Наконец Хансен устало вышел из ванной.

— Никаких следов! — со злостью сообщил он Кону. — Никакого двойного дна! — Хансен приблизился к мексиканцу и привычно обшарил его одежду. Затем отошел в сторону. — О'кей, на этот раз ты нас обманул. Забирай своих гадов и проваливай!

— Ун моментито, — остановил его отец Франсиско. Он соскользнул с края стола, приблизился к мексиканцу, стащил с его головы шляпу и передал Кону. — Пожалуй, вам стоит осмотреть вот это, инспектор...

— Но скажите, падре, — удивленно спросил инспектор Кон, заперев мексиканца в ванной, — как вы определили, что он запрятал героин за подкладку своей шляпы?

Отец Франсиско вздохнул:

— На нашей стороне рени каждый католик, разговаривая со священником, непременно снимает головной убор. А этому католику, очевидно, снять шляпу не позволил дьявол.

АЗОН ВЫРВАВШИСЬ ИЗ ЛАПЕРА ТЕ-
МУЩИНА И СКАКАЛ К МЕСТУ
ПОСАДКИ ЗВЕЗДОЛЕТА.

А ГДЕ ЖЕ НАШИ?
КАК ОНИ МОГЛИ БРОСИТЬ
МЕНЯ ОДНОГО?!

запищало, стрелки дружно пошли вправо. Поставил часовой механизм на 23 часа, еще 13 минут — обратный отсчет времени. Нажал на красную кнопку. Вот теперь можно сказать, что все в порядке. Теперь уже не отключишь.

Остается только ждать. Терпеть. Пошел наверх и приналег на джин. Думаю, я этого заслужил.

ОКОЛО половины одиннадцатого мы, наконец, перестали делать вид, что ничего не происходит. Не помогала даже банка великолепной тушенки, которую Эльни извлекла из моих запасов. Внизу было совершенно нечего делать. Ничего уже не изменишь. Но мы все же спустились в подвал. Сияющая больничной белизной тишина нарушалась только стрекотом часового механизма. Трудно представить, что здесь решается судьба целого мира.

— А что будет с нами? — спросила Эльни. — После взрыва? После всех взрывов?

— Ты и не заметишь ничего. Если все будет нормально, и бомбы сдетонируют, все 50 тысяч мегатонн, мы почувствуем небольшую вибрацию. Разве что ноги будут дрожать. Всего восемь минут. Это даже не землетрясение. А так, легкая раскачка земной коры.

— Тогда почему же все так уверены, что Варвары от этого погибнут?

— Никто до конца не уверен. Одни расчеты и надежда, что высвободим взрывами энергию вибрирования планеты. Если Блэкмор не ошибся, вибрация достигнет оптимального предела через одну минуту после взрыва и продержится на этом уровне около четырех минут. Причем, не в одной точке, а по всей Земле, вдоль взломов коры. Блэкмор говорил, что этого вполне достаточно, чтобы стереть Варваров в порошок. Меньше чем через четверть часа будет ясно, прав он или нет.

Эльни промолчала. Затем, словно встревоженная тишиной, отрывисто спросила:

— Тихо, а?

Что тут скажешь. Да, тихо. Можно услышать стук собственного сердца.

Семь минут.

В подвале очень тепло. Даже жарко. Рубашка прилипла к спине. А Эльни, кажется, держится. Нахмурилась, но не больше того.

ОДНА минута. Кожа вся горит. Черт возьми, она как будто зажила собственной жизнью. Что-то живое, неделенное звериным чутьем и страхом. Кажется, окажись сейчас на мне какая-нибудь невинная блошка, кожа сама слезет с тела от ужаса.

Тупое желание остановить стрелку, неотвратимо бегущую по циферблату. С механической невозмутимостью она миновала цифру 12 и отправилась в свой последний круг.

Тысячи крошечных мышц напряглись, подняв каждый волосок на теле. Будто ошетились. Ощетинившийся, неподвижный, бездыханный кусок человеческой плоти, наполненный ожиданием.

Еще пятнадцать секунд после того, как часовой механизм должен был остановиться, я, не шевелясь, тупо глядел перед собой. Ровно пятнадцать секунд, по часам. Этого же не может быть.

Ничего не случилось. Совершенно ничего. Часы не остановились. Стрелки индикаторов не пошевелились. Пол под ногами не задрожал.

Снова включилось сознание. Смутная мысль, что где-то по пути допущена ошибка, тут же отвергается. Единственная моя ошибка состоит в том, что я оставил шмайссер у двери, прислонил к стенке. Но есть еще нож на поясе.

— Сука. Подлая сука.

Я еще не договорил, а нож уже оставлял зигзагообразные следы на ее лице и груди. Быстрой смерти она не заслужила.

— Ты продала нас, — орал я, — на сей раз они решили не убивать свою шпионку. Потому что им надо было добраться до меня.

Она закрыла лицо руками, пытается защититься. Не берет, что она там бормочет, по-моему, отпирается. Я не очень требовательный. Закрывает лицо, так остается грудь. Нож прошел поперек шеи, разрезав платье. Обрезанная ткань свесилась вниз. Лезвие коснулось кожи. И тут я остановился.

Разрезанная кожа, будто ткань, легко отошла от тела. Шикарная грудь оттягивала ее вниз. А там, где должно было появиться кровоточащее мясо, виднелся грубый эпителий цвета мокроты, покрытый мелкими точками.

Нож упал на пол. Шмайссер занял привычное место в руках.

Протянула вперед руки. Как будто руки могут защитить от пуль. Она — или это он, оно? — снова что-то закричала.

— Я не виновата! Выслушай меня, пожалуйста!

— Выслушать? Новая ложь? Варвары просто на глазах умнеют. А я белаан. Решил, что парная идентификация надежна на все сто. Невозможно полностью имитировать все функции человека! Как не догадаться, что женщину подделать значительно легче, чем мужчину.

— Да, — согласилась она. — Вернее, и да, и нет. Я обманула тебя. Но это не то, что ты думаешь. Я не виновата, что у вас ничего не вышло. Как раз я — мы — больше всех заинтересованы в вашем успехе.

Я почти не слушал, меня сейчас это все не интересовало. Я нажал на курок. И не отпускал его, пока не расстрелял весь магазин. Очереди разорвали ее на куски. Разодранные в клочья тело врага, так хорошо подделавшегося под человека, что до сих пор подрагивает, как живое.

— Вы, люди, — произнес кто-то у меня за спиной, — чересчур тщеславны. Из-за вашего тщеславия вы совершаете очень много ошибок.

Когда я видел старика в прошлый раз, в руках у него был старомодный пистолет, а в глазах мерцал тусклый страх. Теперь его глаза светились холодной злобой. И еще в них был

написан приговор. Мне. В руках вместо пистолета оказался газер.

— Тебе стоило выслушать ее до конца, — он показал на безжизненную дрожащую массу в углу. — Она бы раскрыла тебе глаза на ваше дурацкое заблуждение, что эта планета — не единственная, которую мы захватили.

Угроза смерти обычно не возбуждает досужего любопытства. Я спросил:

— Она действительно хотела мне помочь?

— Да. Заменяла ту, с которой ты действительно должен был встретиться. Ее мы устранили, когда ты был еще на другом конце континента. Наши прежние жертвы с других планет похожи на вас. Такие же сентиментальные и чувствительные. И так же пытаются бороться с неизбежным.

ВЫСТРЕЛ пришелся по ногам. Я потерял сознание. Потом очнулся, покачнулся на том, что осталось от моих ног, наполовину сплавившихся с полом.

Опять потерял сознание. И так четыре раза, пока, наконец, не удалось восстановить в памяти несколько приемов индийских йогов.

К этому времени масса, состоявшая из меня, винила и бетона, успела затвердеть.

Я остался один.

Один. Я один, и еще так долго умирать.

Лучше бы он остался. Я бы рассказал. От боли или от гордости. Нет, хорошо, что он ушел. Иначе он узнал бы от меня много неприятных вещей. Доказывающих, что в заговоре участвует все человечество. Он думал, что, уничтожив меня, покончил со всеми.

А может быть, он прав. Пока. Мы проиграли. Очень хорошо, что я ничего не сказал. Не сказал ему, какие мы. Какими мы, я надеюсь, всегда будем.

Конечно, это будет еще не скоро. Слишком большая требуется подготовка. Но этот день все-таки настанет. И другой фанатик вроде меня попытается взорвать другую бомбу.

Опять отключился. Не получилось с руками. Одна нога оторвалась от пола. Кровь идет, наверно, я похож на дряхлого старика, усаживающегося на горшок. Надо попытаться перенести весь вес на одну руку. Чтобы освободить другую.

Странно, только теперь, когда все позади, и эта бешеная гонка закончена, я способен хорошо думать о людях. Слушайте мой приговор: люди прекрасны. Забыл слово...

В голове мутится. Вспомнил. Непреклонны. Вот так. Несгибаемы. У них может быть тысяча слабостей. Но они всегда будут несгибаемыми.

Наконец-то. Удалось опереться на левую руку. Еще пара дюймов, и правая рука дотянется до ножа, валяющегося на полу. Последнее дело моей жизни. Я должен был умирать медленно. Не будет этого. Если такой простой вещи они не могут сделать, значит, есть надежда. Большая надежда. На завтрашний день.

Александр АДЕЛУНГ

Старым друзьям

Мы с тобой давно уже не те!
Мы не живем делами грешными,
спим в тепле, не верим темноте,
а шпаги на стену повешены.
В нашей шхуне сделали кафе,
на тумбу пушку исковеркали,
растрочен порох фейерверками,
на катафалк пошел лафет!

Мы с тобой давно уже не те!
И нас опасности не жалуют.
Кеп понапал в какой-то комитет,
а боцман служит вышибалою.
Нас уже не трогает роса,
на парусах уж не разляжешься —
кустил трактирщик разгулявшийся
на транспаранты паруса.

Мы с тобой уже не те совсем,
и все дороги нам заказаны.
Спим в тепле, на средней полосе —
избрали город вечной базою.
Знаю, нам не пережить зимы!
А шхуна словно пес на привязи,
Кривая никуда не вывезет,
но море ждет нас, черт возьми!

Море ждет, а мы совсем не там!
Такую жизнь пошлем мы к дешему!
Боцман — я, ты будешь капитан,
нацепим шпаги потускневшие.
Мы с тобой пройдем по кабакам,
команду старую разведем мы!..
А здесь? А здесь мы просто лишние...
Давай командуй, капитан!

Валерий ПРИВАЛИХИН

ТАЁЖНЫЙ ДЕТЕКТИВ

ЛИНЬ был некрупный. Положить на ладонь — не закроет. Но он так яростно старался вырваться из ячеи на волю, что заматался намертво. Ращупкину пришлось-таки повозиться, пока не без ущерба для сети он освободил остро пахнущую тиной рыбу.

Он собрался было вынуть руки из воды, как вдруг непонятное ощущение толкнулось в груди. Ощущение было такое, что за ним наблюдают.

Первым побуждением было вскинуть голову и оглядеться. Не без внутреннего усилия Ращупкин заставил себя повременить, глубже погрузил руки в воду и потер друг о дружку так, словно намыливал. Он ждал, что его вот-вот окликнут. Голоса не последовало, и Ращупкин резко выдернул руку из воды, энергично тряхнув кистями.

Странно или ему кажется, и никого нет на берегу, или тот, кто наблюдает, не хочет себя обнаруживать.

Он решил не торопить события. Если кто есть, пусть сам объявится.

Сеть оставалась на добрую треть непроверенной, и он продолжил свое занятие. Как ни в чем не бывало, он неслашно брался за веревку и приподнимал сеть над водой.

Он заставил себя просмотреть сеть до конца, достал пачку папирос, закурил неторопливо, как полагается в конце работы, и уже после обстоятельных затяжек, взявшись за весло, погреб к берегу.

Нос лодки, как нож в ножны, впритирочку вошел в выточенное в кромке берега углубление. Ращупкин, опираясь на весло, поднялся и, выпрыгнув, пошел к избушке за мешком.

Скрытый взгляд ни на секунду не оставлял его, ловил всякий жест и движение. Чепуха какая-то! Он никого не видел, а этот неуловимый взгляд словно бы держал его на поводке, и чувство пристегнутости сковывало, заставляло нервничать.

Ращупкин не без сожаления подумал о Полкане. Будь пес рядом, он бы не позволил кому-то хорониться, скрытно чинить на берегу, живо бы лаем вытурил.

Ощущение слезки, возникнув, стойко держалось и нарастало, пока Ращупкин находился на озере. Стоило ему, однако, чуть отойти, выйти на луговые клевера, как ощущение полностью пропало, напряженность исчезла. Быстрота, с какой это случилось, несколько озадачила его. Он вдруг засомневался: так ли уж кому и потребовалось выслеживать его?

Если оставались колебания насчет слезки на озере, то в том, что следом не шли, он был убежден. Он кинул мешок на землю, подвинулся к крайней невысокой елке и, самому непонятно зачем, соблюдая предосторожность, отогнул легонько лапу. И в ту же секунду вздрогнул от увиденного: ветки ближнего к тропе смородинного куста качнулись, смыкаясь. На еле различимую, быстро, как щелчок фотоаппарата, долю времени, он увидел промелькнувшее между веток лицо.

Он вернулся к своему мешку. Скрестив на груди руки, встал над ним, задумался.

От озера до смородиновых зарослей было километра три, и весь этот путь его сопровождали. Почему-то кто-то сначала не хотел давать о себе знать, а потом решил твердо убедиться, что он отправился домой. Чем он кому-то помешал на озере? Может, браконьеров вспугнул? Врзмя от времени они наезжали в эти края аж из города побить-половить ондатру. Но ондатра на озерах, под Куяновской Гарью, там ее кишмя кишит.

Ращупкин поднял мешок, подержал в раздумье, куда определить, и, раскачав, кинул под густую молоденькую пихту. Не забываясь, скрытно лег мешок или нет, пошел, забирая вправо от тропки к ельнику.

С предосторожностями он добрался до берега, нашеп

себе укрытие и выглянул из него. На озере не было ни души. Дверь избушки подперта. Если судить по положению плашки, никто в избушку не входил. Из укрытия видно было лишь корму лодки. Но и по ней можно было убедиться, что лодку не трогали.

Старательно раз, другой и третий он обвел берег взглядом. Никаких признаков постороннего присутствия. Странно, тот, кто шел за ним следом, по времени должен вернуться на озеро, напрямик в два раза короче, чем вокругую, а его нет.

Чертовщина какая-то необъяснимая получается. Его ухода кто-то ждал, чтобы потом самому уйти? Больно уж по-детски.

Подождав немного, он подумал, что сидит в укрытии зря. Если на озеро кто и явится, то не сейчас, не скоро. Ему любопытно было заглянуть в тальниковые заросли. После этого, он был убежден, что-то да прояснится.

Не слишком уж осторожничая, Ращупкин пошел вдоль берега.

О КОЛО избушки точно не оказалось следов чужого присутствия. Не было их и под навесом. Зато стоило ему отойти буквально три шага от навеса, и он увидел такое, от чего кровь прихлынула к лицу: свежий след, оскользнувшийся след чужого сапога привлек его внимание.

Он подобрался, наклонившись, всмотрелся. Рядом с оскользнувшимся следом был четкий отпечаток подошвы сапога, подалее—другой, правда, меньше различимый. Следы уводили прочь от озера, в заросли. Стоило бы пошариться в тальнике, наверняка и там отыщется любопытное, да в другой раз. А пока, — его видели, теперь его очередь взглянуть, кто тот, интересующийся.

Пройдя где быстрым шагом, где полубегом около полуса, Ращупкин приметил в траве и поднял окурек сигареты. Покусы на фильтре были свежие, прошли считанные минуты, как сигарету выкурили. Незнакомец словно предупредил о своем близком присутствии.

Фигура незнакомца вынырнула среди стволов корябельных сосен. Длинный, чуть горящий, он ступал так, словно был на мшанике и боялся провалиться, хотя под ногами была твердая песчаная почва. Одет он был в эццефалитку, в темные, заправленные в сапоги брюки. На голове кепка.

Ращупкину не терпелось увидеть лицо человека, которому он помешал чем-то на озере, однако Длинный не оглядывался. Ращупкин всерьез подумывал, не сделать ли так, чтобы Длинный повернул лицо в его сторону. Скорее всего он бы так и сделал, но неожиданно заметил фигуру второго человека, который шел шагах в семи впереди Длинного.

Открытие неприятно поразило Ращупкина. Он едва не

присвистнул: хорошо! Сразу почему-то решил, что на стане «нас» его один, и не допускал мысли о нескольких.

В отличие от идущего належке Длинного, напарник его нес за спиной рюкзак, объемный, но, видно, не тяжелый. Ноша не пригибала его.

Прошло время, прежде чем передний остановился, снял с плеч рюкзак, повернулся к своему спутнику и потянул с головы кепку, вытер лицо. Ращупкин мог рассмотреть лицо. Красная, словно после доброй бани, распаренная кожа, спадающие на лоб слипшимися прядями белесые волосы, такого же цвета черточки над глазами вместо бровей. Альбинос.

Длинный нагнал спутника, взял у него рюкзак. Засовывая под лямки руки, он непроизвольно повернулся в поворот, и Ращупкин увидел его лицо. В отличие от поятеля, он был красив. У Длинного были тонкие черты лица, нос с едва уловимой горбинкой.

Ни по внешности, ни по одежде Ращупкин не мог понять, кто они. Про геологов он сразу отбросил мысль. Браконьерами тоже не назовешь. У тех и поклажа другая и что-то, а ружья всегда в наличии имеются. А эти сомнительно, чтобы несли хотя бы ружье на двоих. Да и кто по тайге пойдет с разобранным ружьем?

Еще более загадочным было, куда держат пути эти двое. По уверенной их походке не скажешь, что плутают. Взяв курс от озера строго на северо-запад, они не уклонялись, но забирали в сторону и, походило, не думали изменять направление. А раз так, они неминуемо должны были вскоре уткнуться в Окунеевское болото, которое находилось в двенадцати километрах от озера.

Какая нужда неслась на непроходимое Окунеевское болото? Что они там забыли? Это и было пока главной загадкой для Ращупкина.

М ИНУЛО больше часа, как Ращупкин шел по пятам загадочной для него пары. Он утвердился в мысли, что если ему и стоит быть чему-то свидетелем, то не раньше, чем они ступят на болото.

Вдруг, как по команде, на поляне, окаймленной красным кустарником, оба пригасили шаг, заозирались. Альбинос выгнул плечи, рюкзак, который был в этот момент за его спиной, свободно плюхнулся на траву. Альбинос тут же придавил его тяжестью тела. Длинный, поискав и не найдя, где бы притулиться, опустился на корточки у сосны, тут же расправил, вытянул ноги, спиной уперся в ствол.

Чем дольше загадочная пара пребывала в праздности, тем неспокойнее становилось на душе у Ращупкина. Он догадывался, чем вызвано это ожидание. Должен появиться кто-то третий, а может, и четвертый, — Ращупкин не исключал. А вот откуда, с какой стороны — этого предугадать он не мог, хотя ничего важнее в эти минуты не было. Вдруг раздался негромкий свист.

Разморенные долгим лежанием, Альбинос и Длинный зашевелились. Альбинос, сунув палец в рот, отозвался свистом.

Третий, прежде чем выйти из кустарника, посеял шум. Гулко, как выстрел, треснула под его ногами сухая валежина, послышалось сдержанное ругательство.

«Ну-ка, ну-ка», — оживился, переступил с ноги на ногу Ращупкин. Ожидание утомило, и он обрадовался приходу нового человека. К тому же приход третьего (или еще и четвертого?), он надеялся, хоть что-то прояснит в отношении этих непонятных людей.

Появление третьего, скорее, рождало новые вопросы. Единственное, что можно было о нем сказать, он тщательно оберегался от комариных укусов. Лицо наглухо закрыто, как паранджой, длинной, спадающей на грудь сеткой против гнуса. По одежде он несколько отличался от первых двух. Вместо энцефалитки на нем была черная хромовая куртка.

Снаряжение его Ращупкин тоже оценил: короткий карабин и небольших размеров рюкзаки за спиной. Вещмешок и карабин были удачно помещены, не стесняли движений и, как имел возможность вскоре убедиться Ращупкин, без усилия снимались.

На поляне завязался разговор. Скорее всего, знакомцы заспорили между собой. Ращупкин судил об этом по Альбиносу, который один сидел к нему лицом.

Прекратив вскоре спор, они и не подумали подниматься. Альбинос перекинул свой рюкзак в тень и, теперь уже явно лениво встать на ноги, пополз к нему, положил голову. Владелец карабина и Длинный последовали его примеру, завозились, легли на животы головами друг к другу.

«Отсыпаться что ли, сюда явились?» — с неприязнью подумал Ращупкин, поглядывая на часы. Положение его было неопределенным, вдобавок глупым. Он чувствовал, что с троицей неладно, но не имел доказательств, что они те люди, за которыми стоит последить. С момента, когда он на озере ощутил на себе посторонний взгляд, минуло почти четыре часа, а он ничего вразумительного ровным счетом не может сказать об этих людях.

Он сел на траву, сразу ощутив легкость в стопах, но оттого, что знакомцы исчезли из поля зрения, буквально через минуту им завладела тревога. Спокойнее, когда они на виду. Он оттолкнулся ладонями от земли.

Приходилось мириться и с жаждой. С куревом тоже он приказал себе помедлить.

«Положеньице», — думал он, озираясь и ни на миг боковым зрением не теряя из виду подопечных.

ОНИ ожили, зашевелились, провалившись на поляне ровно час. Ращупкин напряг глаза, рассчитывая увидеть лицо неизвестного в кожанке, — хотя бы при вставании должен же он расстаться с накомарником.

Не тут-то было. Он приподнял и опустил шляпу за тулью, будто кого-то приветствовал, и принялся надевать через плечо карабин. Длинный и Альбинос потянулись, с лентой разобрали рюкзаки. Все трое нырнули в кустарник. Ломкие, сухостойные ветви затрещали, захрумкили. Выждав время, Ращупкин скользнул следом.

Он не настраивался на долгий путь, был уверен, что теперь-то подозрительные его подопечные близки к своей цели и загадка их быстро раскроется. Однако он ошибался. Минуло два часа, три, солнце неприметно поползло на наклон, а знакомцы с завидным упорством шли и шли мерным шагом, нигде не позволяя себе застревать.

Ращупкин крадучись следовал за ними. Он силился и не мог уловить никакой логики в этом их движении. После отдыха на поляне они сделали поворот вправо от Окуневского болота. Разница была, но такая ли большая, если, отвернув от топи, они устремились в глухую тайгу. Определенно запасец еды у троицы был с собой. Ращупкин уверенно мог сказать, что помещался он в рюкзаке поменьше, но с таким запасцем тайга не даст по себе долго шастать, вытолкнет.

Не без внутренней радости Ращупкин подметил, что знакомцы, нарочно или сбиваясь, начинают загибать влево. Идя по грядке вдоль Окуневского болота, оставили его позади. Однако близость оконечности болота давала знать о себе — трава под ногами посочнела, мелькнули две-три рябинки. Под сапогом в траве чазкнула вода.

Ращупкин с трудом, так пересохло в горле, сглатывая, глянул на мокрый кончик сапога. Если не напиться, то хотя бы смочить горло было можно. Собрав обшлаг рукава куртки в кулак, Ращупкин припал на колено и нетерпеливо вжал кулак в траву. Когда поднялся и первым делом искал взглядом троицу, обнаружил, что знакомцы остановились.

Длинный и Альбинос проворно освобождались от груза рюкзаков, а их новый спутник сидел на корточках у ручья. Что-то говоря, он обернул свое мокрое лицо к Длинному, так что и Ращупкин мог видеть. В следующую секунду Длинный сделал шаг к ручью и заслонил собой знакомого в кожаной куртке, но и такой ничтожной доли времени Ращупкину было достаточно, чтобы разглядеть его.

— Вот-та-та, — прошептал Ращупкин, невольно попятившись.

Лицо третьего ему было известно, и он хорошо помнил откуда. В середине июня к нему в гости неожиданно нагрянул милицейский лейтенант Афанасьев из Центрполигона. Там ограбили инкассатора. Ращупкин был наслышан, по всему району об одном этом и говорили. Инкассатор, получив деньги в районном банке, вез их в Любинский лесопункт. По обыкновению, он заночевал в заезжем доме. Ранним утром два геодезиста, тшкетно пытавшиеся

стуком в окно разбудить хозяйку, догадались толкнуть дверь. Хозяйка, ее семилетний сын и инкассатор были мертвы. Деньги и наган, что были при инкассаторе, пропали. И все. Больше толком никто ничего не знал. Дальше шли не лишние смысла догадки. Будто бы мальчишка погиб потому, что вбежал в дом и был свидетелем убийства инкассатора, а мать якобы хватилась сына...

Афанасьев уточнил похищенную сумму: не полмиллиона, как явствовало из слухов, но больше ста тысяч — месячный заработок и премия трехсот двадцати рабочих.

— Как дьявол сотворил, — мрачно процедил сквозь зубы лейтенант. Он бурно переживал то, о чем говорил, и молодое, почти юношеское лицо его покрывалось алыми густыми пятнами. — Есть один на примете. Против него одно: перед убийством взял расчет в партии, подался в Центрполигон, а там его никто не видел. Вот.

Афанасьев протянул фотографию.

Со снимка на Ращупкина напряженными светлыми глазами глядел мужчина лет сорока. Черты лица у него были крупные, резкие, словно вырезанные ножом, на голове щеточка коротких русых волос. С оборотной стороны снимка разборчиво зеленым фломастером было написано: «Шуляков».

Ращупкин еще раз бегло взглянул в лицо и молча вернул фотографию.

— Может и не он, а на всякий случай, упаси тебя бог, если столкнешься, хоть взглядом намекнуть, что тебе что-то о нем известно, — сказал Афанасьев серьезно и внушительно, засовывая фотографию во внутренний карман кителя.

«Как в воду глядел Афанасьев», — усмехнулся про себя Ращупкин. Он спохватился, встрепенулся. Теперь, когда он знал, с кем имеет дело, нужно соблюдать предосторожность вдвойне, а он, как ему показалось, слишком надолго оставил без пригляда троицу...

РАЗДВИНУВ ветки, он увидел, что Длинный не успел пока опуститься на корточки, а Альбинос все еще стягивает энцефалитку. Наконец Шуляков, а за ним и остальные двинулись прочь от ручья.

Помедлив на всякий случай, Ращупкин приблизился к ручью. Упав на колени, долго и жадно пил, чувствуя, как наполняется тяжестью пустой желудок, потом умылся, вытер о штаны мокрые руки, полез за папиросами.

Еще немного спустя, он сидел на траве, раскинув ноги, делал неторопливые затяжки и смотрел на обломок коричневой расчески. Кто-то из троих обронил или выкинул его. Досмолвив папиросу до самого мундштука, он подобрал было обломок, но тут же поспешил от него избавиться, потянулся к воде и брезгливо ополоснул пальцы.

Сидеть время было самое неподходящее. Он понимал это, но, прежде чем подняться, необходимо на что-то ре-

шиться. Продолжать преследование чем дальше, тем опаснее. До сих пор ему сходило с рук, а кто знает, сколько так продлится. Нервы у преследуемых натянуты, как струны, и начини эти струны лопаться, придется несладко.

Ращупкин так и не сделал окончательного выбора. Он ощутил нарастающее беспокойство от того, что не видит примелькавшиеся уже фигуры перед глазами. Повинуясь этому чувству, поднялся и пошел, сначала медленно, нерешительно, потом все энергичнее, прибавляя шаг, пока не увидел их снова.

«Ничего, ничего», — оправдывал он свои действия и подбадривал себя, он проведет их немного по тракту, убедится, что они и не думают сворачивать, а там видно будет.

Именно из расчета, что они ступят на тракт в таком месте, где сохранилась проплешина, Ращупкин и вглядывался поверх голов своих подопечных вперед. Он сам не знал зачем, но ему хотелось первым определить месторасположение тракта. Тут его, однако, переиграли. Поведение троицы подсказало ему, что они, наконец-то, вышли на тракт.

Длинный и Альбинос, скинув рюкзаки, пошли от дерева к дереву, высматривая, очевидно, засечки, тыча пальцами в них.

Покусывая хвойную ветку, Ращупкин ждал, когда движение продолжится. Он был уверен, что остановки не последует.

Так и вышло. Постав в кучке, троица взвалила поклажу и двинулись дальше, теперь по тракту. Удача влила свежие силы. Шаги убыстрились, правда, длился это недолго.

«Точно, дотемна гнать будут», — прошептал Ращупкин, чувствуя, что начинает уставать.

Перед самым закатом Ращупкин имел возможность убедиться, что у его подопечных из оружия не один карабин и что пустить его в ход они готовы без промедления.

Израядно подрастерявшая собранность троица шагала среди молодых рендельных сосенок. Даже на удалении было заметно, как покачивается от усталости скрытая почти по пояс в траве фигура Альбиноса, замыкавшего шествие. И тут буквально из-под ног брызнула пара косачей. Троица моментально рассыпалась, словно попала под тугую струю сжатого воздуха. Напружинившийся Альбинос выкинул вперед руку. Она конвульсивно дернулась, грохнул пистолетный выстрел. Теперь уже целая стая косачей черной тучей выметнулась из травы. Альбинос ринулся за стаяй следом и уже, видимо, не от испуга, а от досады, в отместку за пережитый страх, пальнул второй и третий раз. Шуляков в пару прыжков нагнал не в меру расшумевшегося ретивого приятеля, рывком развернул к себе и потряс перед его носом кулаком. И в его руке Ращупкин угадал пистолетное дуло.

Длинный один из всей компании оунесся к косачам более или менее хладнокровно. За ружье не схватился, что, впрочем, не означало, что он не имеет его.

Конфликт из-за косачей был исчерпан в минуту, но, видимо, он дал почувствовать, как все устали за день.

А ТЕМНОТА неприметно и монотонно, словно кто насосом ее подкачивал, принялась тотчас после исчезновения солнца заполнять лес.

Быстрое приближение ночи неожиданно оказалось особенно досадным для Ращупкина. В сторонке, самую малость сойти с тракта, он засеки заросли кислицы. Со слезкой можно было погодить, тем паче, что троица определяла себе пристанище. И он свернул к ягодному местечку.

Кусты были обсыпаны красными гроздьями. А вот брать их оставалось считанные минуты. Убедившись, что на ощупь собирать невозможно, Ращупкин с сожалением оторвался от своего занятия.

Слабенький огонек костра мелькнул в отдалении. Невидимые во мгле ветки заслоняли обзор. Ращупкин шагнул туда-сюда, вглядываясь. Костерок быстро разгорался, пламя поднималось взвесь, пышноло. Темнота сглатывала расстояние, но шагов четверта наберется. Бережно держа перед собой кепку с кислицей, как если бы у него в руках была налитая до краев тарелка с супом, Ращупкин пошел осторожно на огонь.

«Достаточно», — определил он, когда расстояние сократилось примерно на четверть.

Троица устроена, пора и ему позаботиться о ночлеге. Он огляделся, смутно различимый ствол был по правую руку. На ощупь, медленно он опустился, примеряясь. Костерок, благодаря тому, что был на чутошном возвышении, не пропал.

Троица наверняка сейчас ужинала. И наверняка у костра интересный разговор. В теперешнем положении для него не составило бы труда приблизиться так, чтобы слышать каждое слово. Он пресек эту мысль на корню: нечего лезть на рожон, не для того день вел, чтобы в мах все испортить. Что нужно, ему известно — и хватит.

Он поднес часы к глазам и всмотрелся в циферблат. Стрелки показывали половину первого.

«Спать», — приказал он себе, подобрал ноги и уткнул голову в колени. Откуда-то уже издалика мягко мелькнула и погасла мысль, что он так и не сделал выбора: идти за троицей или возвращаться за подмогой.

Тишайшие шорохи тайги не давали разоспаться. Он задремывал и тут же вскидывал голову. Глаза попеременно обращались то на часы, то на костер.

Рассвет наметился, и потянуло свежестью. Троица поднялась с первыми лучами. Судя по движениям, долго раскачиваться подопечные не собирались. Завтрак откладывался на более поздний срок.

Пока Длинный и Альбинос копошились под сосной, Шуляков отделился от них шагов на тридцать и замер. Лицо его было обращено в сторону Ращупкина.

Ращупкин наверняка знал, что заметить его невозможно, слишком далеко. И все же по мере того, как Шуляков продолжал стоять неподвижно, уверенность его заколебалась.

«Поворачивай», — движением глаз понукал он Шулякова. Он боялся шелохнуться самую малость. Всякое шевеление, казалось, могло послужить плохой службой.

Шуляков словно услышал приказ, задвигался, но не в обратном направлении, а вперед. Карабин был при нем, и Ращупкин напряжился, впился взглядом в руку. Если она потянется к ремешку карабина, дело дрянь. В висках застучали молоточки.

И тут Шулякова позвали. Негромко, но обострившийся до предела слух Ращупкина: уловил обрывок фразы: «...уда». «Ты куда?» — восстановил он бессознательно.

Шуляков обернулся на зов не вдруг, широкой петлей развернулся и зашагал обратно.

Попробуй догадайся, чем вызван этот его выпад: приспичило взглянуть в пройденный путь или что заподозрил.

Ращупкин перевел дух. Начало дня не несло удачи.

«Психуют нынче, не выпались, гладко, как вчера, не выйдет», — думал он, глядя в спину Шулякову.

Чтобы и впредь избегать неожиданностей, важно было, как определил Ращупкин, удлинить дистанцию, но ни под каким видом не позволять троице исчезать из поля зрения.

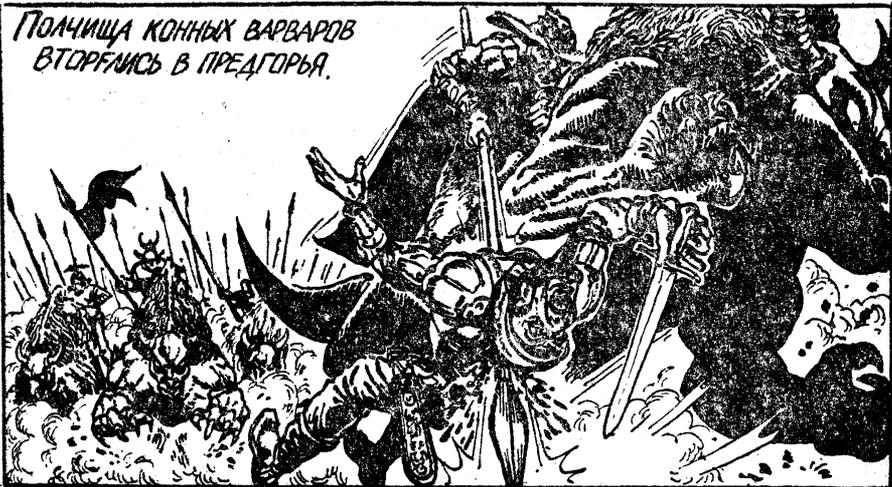
В неразрешимости выполнения обоих условий такой задачи, Ращупкин убедился очень скоро, преодолев километр другой. Лес погустел, сосновые лапы молодой поросли плотно смыкались между собой, так что приходилось порой, чтобы не потерять из виду троицу, идти на сближение до тридцати-сорока шагов. Риск, а с ним и напряжение возросли. В довершение к этому, замыкавший вереницу Альбинос на коротком отрезке дважды обернулся. Его лицо, освещенное солнцем, во второй раз оказалось так близко, что Ращупкин разглядел красноватые кроличьи веки.

Под мышками взмокло, испарина выступила на лбу. Нечаянно для себя Ращупкин обнаружил, что держит складник в руке и что лезвие складника раскрыто. В любом случае для него не имело смысла пускать в ход нож. Но сама подспудная готовность его удивила. Она отражала степень риска.

Ращупкин поймал себя на мысли, что совершенно не представляет, чем закончится преследование. До сих пор простая и важная эта мысль не посещала его. Но вчера он мог позволить себе идти по пятам троицы не задумываясь, он имел возможность в любой момент повернуть обрат-

ПОЛЧИЩА КОННЫХ ВАРВАРОВ
ВТОРГЛИСЬ В ПРЕДГОРЬЯ.

но. С утра он тоже был спокоен на этот счет. В крайнем случае ему казалось, он весь путь проведет троицу. А там, в конце, что гадать, должен же подвернуться счастливый случай.

На переходах Ращупкин не представлял опасности для троицы. В самых густых участках леса он не рисковал подступиться ближе, чем на тридцать-сорок шагов. Частые передышки, которые устраивал Шуляков, были вроде на руку. Однако после трех коротких бросков похвалиться было нечем. Троица не допустила ни малейшей оплошности.

ТРАКТ неприметно пополз на подъем. Среди сосен стали попадаться темно-зеленые пихты. Постепенно они замелькали чаще.

Подопечные устраивались на очередной привал. Ращупкин обогнул их, свернул с тракта и пошел параллельно ему, резко убирав шаг.

Троица осталась в нескольких километрах позади. Он пошел медленнее, придирчиво оглядываясь по сторонам. Пихты стояли плотно, одна к одной. Сквозь их сомкнутые ветки солнечные лучи не проникали, отчего в лесу было сумрачно. По такому вот лесу он сколько угодно мог бы шутя вести троицу. Он же сейчас хотел, чтобы вихтач радвинул, и он старательно всматривался в просветы.

Запахло сырью, предвестником близкого болота, под ногами возникли островки мха, когда по правую руку деревья расступились, обозначился узкий, сажени в две, коридор. Затитый наклонными солнечными лучами, коридор этот, прямой, как просека, тянулся под острым углом от тракта всего шагов на триста. Заглушкой на его оконечности темнели вековые пихты.

Ращупкин смерил взглядом, прикинул: пройти мимо и не обратить внимания на коридор — мудро. Не спеша, тщательно изучая всякую подробность, он пошел вдоль коридора к вековым пихтам. Чуть не дойдя, срезал парочку росших рядом жиденьких осинок и, присев на корточки, взялся ошкуривать их.

Он торопился, сизадник лихорадило в руках. До уха донесся тонюсенький свист. По звуку он безошибочно нашел бурундука. Зверек сидел на усыпанной хвоей земле как раз на границе светотени. Любопытная мордочка обращена к Ращупкину.

— Греешься? — тихо спросил Ращупкин.

От звука его голоса зверек легонько прыгнул, мордочка ушла в тень, зато пушистый хвост, высветленный солнцем, засиял серебром.

— Глупый, — Ращупкин улыбнулся.

Как ни странно, присутствие этого нечаянного безобидного, соглядастая успокоило. Спешить не нужно, времени у него довольноно.

Ошкурив обе осинки, он порезал одну на части, застрогал концы, расщепил и соединил. Вышла стрела. Второй осинке предназначалась роль держателя. Он воткнул ее в землю, прикрепил к верхнему концу стрелу.

Бурундук, пока Ращупкин управлялся со своим делом, пискнув, переметнулся на пихтовый ствол, замер чуть выше комля, мордочка опять повернулась к Ращупкину.

Сознание, что он не один, рядом живое существо, несколько мгновений удерживало Ращупкина на месте. Хотя он оторвал глаза и пошел обратно к тракту.

Работой своей он остался доволен. По размеру стрела в самый раз: не лезла назойливо в глаза, но и не незаметна благодаря зеленохвойному фону. Утыкать носик стрелы в них не обязательно, уж коли заметят, мимо не пройдут. По замыслу Ращупкина, место, куда указывала стрела, должно отвлекать от всего остального.

В густой траве виднелась длинная крючковатая валежина. Наступив на нее сапогом, он отломил конец, попробовал на прочность — самое то, быстро пошел прочь от тракта, остановился. Не доходя полсотни шагов до места со стрелой, поднырнул под одну из пихт. Они ничем не отличались от других, стоящих с краю на пути к стреле, однако Ращупкин облюбовал именно ее не случайно. Нижнюю часть кроны прикрывала одинокая кедрушка. Ее длинная, как лошадина грива, хвоя создавала дополнительную тустоту.

Ращупкин попробовал, как раздвигаются ветки, положил на них по правую руку валежину.

Все. Осталось ждать.

ОПАСНОСТЬ подступала с каждой минутой ближе и ближе. Он постарался отвлечься, поискал бурундука. Тот сидел на прежнем месте, неестественно застыл, словно был не живым существом, а искусно выполненной инкрустацией.

Нет, бурундук сейчас не интересовал Ращупкина. Он отвернул лицо и смотрел перед собой. Он не увидел, а скорее почувал, что подросло время обратить внимание на тракт. И тут же Шуляков, Длинный и Альбинос один за другим выбрали из хвойных зарослей.

По сбившему сразу шагу, по повороту головы Ращупкин догадался: стрела не осталась незамеченной. Длинный махнул рукой в сторону стрелы. Шуляков снял накомарник со шляпой, приставил ладонь козырьком ко лбу и вглядывался.

Ращупкин затаил дыхание: что-то они решат сейчас. Он не беспокоился, пока не облядят стрелу, не разберутся, что к чему, вперед не потопают. Другое дело, кто к ней отправится. Если разом все или даже двое, придется убираться восвояси. Не должны бы, чего на разведку скопом тащиться, Шуляков сходить должен, он покрепче, приятели вымотались, лишний раз пальцем не пошевелят.

Как бы в подтверждение его мыслей Альбинос опустился на колени, сел в траву. Длинный стоял, но не спешил сбрасывать рюкзак с плеч. Также не собирался, не потянутся же с ношей.

Двое или один? — Ращупкин тревожно всматривался. Шуляков кинул шляпу с накомарником под ноги и, медленно переступив, пошел.

Ращупкин напрягся, сглотнул. Увяжется Длинный или нет? Длинный подался вперед, неуловимым движением скинул с плеч ношу и, упerez руки в бока, глядел вслед приятелю.

Выходило, как и рассчитывал!

Сердце билось часто-часто. Пальцами он стер пот со лба, переступил с ноги на ногу.

Шуляков приближался медленно. Отдалившись от спутников шагов на полсотни, снял карабин, понес его в руке. Шаг не замедлился, не прибавился. Пока Шуляков был далеко.

Шея затекла. Ращупкин осторожно повернул голову, скосил глаза на стрелу, на пихту, где недавно сидел бурндук. Зверька на стволе не было. Он словно почувал, что рядом затевается опасное, и поторопился уйти.

Шуляков был все ближе. Между густых колючих игол, царапавших лоб и щеки, можно было разглядеть выражение его лица. Водянистые серые глаза устремлены на стрелку. Возможно, он не усматривал в ней подвоха, думал, что это охотничья замета.

Нет, не думал. Глаза кругнулись, зашарили по ближним веткам. Ращупкин спешно отвел взгляд, моментально испарина покрыла лоб. Они чуть не встретились глазами. Рассмотреть его через густоту иголок и веток Шуляков не мог, а заподозрить неладное...

Пронесло. Взгляд Шулякова ушел вперед.

Сердце бешено стучало. Шуляков был близко, вот-вот поразняется с пихтой, ствола которой едва не касался Ращупкин.

Ращупкин облизнул сухие губы, метнул последний взгляд на тракт. Держась за конец валежины, выступил из укрытия.

«Только не вертикальный замах, ветки помешают», — в последний раз предупредил он себя. Палкой с размаху ударил Шулякова по руке выше локтя.

Сделано было так тонко, бесшумно, что Шуляков не успел никак среагировать. По отдаче в руку Ращупкин уловил: кость не выдержала удара, хрустнула.

Шуляков беззвучно повалился, упал ничком.

Ращупкин живо подхватил карабин, для верности носком сапога с размаху двинул Шулякова под ребра, перевернул, провел рукой по карманам. Наткнувшись в боковом кармане куртки на твердое и выпуклое, рванул кожу.

Нет, пистолета у Шулякова не было. Вчера, когда Альбинос стрелял по косачам, а Шуляков его утихомиривал, он принял за пистолет нож. Увесистый нож с кнопкой для выбрасывания лезвия.

Сердце по-прежнему билось толчками, но уже мягче, успокаиваясь. Кидая нож в свой карман, Ращупкин не без удивления увидел бегущего во весь дух Альбиноса. Альбинос или не понимал, что его приятель угодил в ловушку и с потерей карабина его и всей компании положение стало скверным, или он сознавал это не хуже Ращупкина, но пытался отчаянно, хоть так спасти положение. Длинный вел себя куда благоразумнее: путаясь в ляжках, натягивал на спину рюкзак. Ращупкин криво усмехнулся. У него было несколько секунд в запасе. Он снял обойму: утолщенный в ней, тускло желтел патрон. Он попробовал пальцем — обойма полная.

— Стой! — властно и громко приказал Альбиносу, ставя на место обойму.

Окрик не подействовал. Альбинос бежал. Вот-вот он окажется на расстоянии прицельного пистолетного выстрела. Ращупкин дернул спусковой крючок.

ВЫСТРЕЛ отрезвил Альбиноса. Он притормозил, заметался в растерянности — то ли кинуться в пихтах, то ли продолжать бег.

Ращупкин спокойно приложил карабин к щеке и выстрелил. На бегу роняя пистолет и хватаясь за плечо, Альбинос упал.

Оставался Длинный. Он не верил в бросок Альбиноса, не ждал, чем закончится, растворился с рюкзаком среди деревьев. Нужно было по горячим следам отыскать его.

Мешал Шуляков. Он пришел в себя, замычал от боли. Ращупкин расстегнул и сдернул со своих штанов ремень. Крепко, не обращая внимания на стоны, стянул ему на спине руки, пошел. Около Альбиноса задержался, поднял из травы пистолет.

Между пихтами крался осторожно, сдерживая себя. Не спорить бы горячку, когда основное сделано.

Длинного он обнаружил в километре от тракта. Тот сидел на корточках на полянке и что-то хватал из расстегнутого рюкзака и распихивал по карманам, за лезуху. При виде преследователя он поднялся, распрямился. Во все глаза он глядел на Ращупкина, а рука машинально тщетно пыталась засунуть что-то в туго набитый карман. Он был вооружен, но вооруженная рука не шелохнулась. Со ста шагов целить бессмысленно. Он понимал, и не пробовал, и своим бездействием как бы предлагал противнику поступать так же.

Ращупкин вскинул карабин и прицелился.

Длинный с силой отшвырнул то, что не входило в карманы, и побежал. Замелькали подошвы сапог. Кричать бессмысленно, все равно Длинный не послушается.

«В ляжку, в ляжку», — звенело в ушах у Ращупкина, словно кто посторонний подсказывал ему.

Пуля настигла Длинного, когда он, пробежав по прямой, попытался увильнуть за ствол. Он вцепился в рану всей пятерней и скакал, волоча негнушающую ногу. Энцефалитка мишенью мелькала в лапнике, однако Ращупкин опустил карабин.

Отшвырнутое Длинным оказалось пачкой десятирублевок. Ращупкин кинул опоясанную полосатой лентой пачку в мешок, завязал горловину.

— Пошли обратно, — громко и вполне миролюбиво посоветовал Длинному.

Длинный затаился за пихтами, молчал. Попытаться выкурить его — риск слишком большой. Он повторил свой совет Длинному, и снова ответа не последовало.

— Сиди, черт с тобой! — сказал Ращупкин...

Альбиноса и Шулякова он застал сидящими рядом. Руки у последнего были развязаны.

— Куда нацелились? — с усмешкой сказал Ращупкин. — Брошу тут, просто уйду, и подохнете.

В рюкзаке была одежда. Он вытащил светлую сорочку, порвал на ленты и кинул Шулякову:

— Рану заматай приятелю...

Шуляков повиновался, кое-как, одной рукой принялся бинтовать плечо Альбиносу.

— Пошли, — распорядился Ращупкин.

На тракте Шуляков взял обратное направление.

— Иди, куда шел, — развернул его Ращупкин.

Спустя полчаса вышли к кромке Рогожинской гари.

Приказав пленникам сидеть, Ращупкин принялся стаскивать и укладывать в кучу на толстую колодину валежника. Потом наносил мха и тщательно, как ранетку к зиме, обложил им кучу. В золотистых лучах заходящего солнца зазеленела аккуратная, средних размеров копейка.

Он расковырял мох снизу, чиркнул спичкой и поднес ее к сучьям. Подождал, пока пламя привяжется к суку потолще, затем старательно укутал горелое место. Сначала ни огня, ни дыма не было, костер, казалось, потух. Потом жиденький дымок заструился, пробиваясь сразу из всех пор копейки. Постепенно наметилось несколько струй, они подержались недолго и сплелись в одну косичку. Косичка эта устремилась вверх, вверх, выше деревьев на опушке. Дым остановился, точно уткнулся в потолок, повисел, поджидая подмогу, и принялся разрастаться вширь, пышнеть.

Все! Больше от него ничего не зависело. Дым растянулся над тайгой. Теперь его не остановить. Будем шагать и шагать и нынче, и ночь, и завтра.

Все позади. Нужно набраться терпения и ждать. Не нынче, так завтра прилетит вертолет пожарной охраны. Такой дым нельзя не заметить.

[Публикуется в сокращении].

Дональд уэстлейк

НЕ ТРЯСИ ФАМИЛЬНОЕ ДРЕВО

НАДО сказать, до сих пор жизнь никогда не преподносила мне таких сюрпризов, а мне уже семьдесят три, и у меня одиннадцать внуков и два правнука. Но, честное слово, ничего подобного в моей жизни не случилось.

Началось все с увлечения генеалогией, передавшегося мне от миссис Эрнестины Симпсон, вдовы, с которой я познакомилась в Бей-Арбор, во Флориде, когда ездила туда три

Перевод А. Корженевского.

года назад, летом. Флорида мне совершенно не понравилась: все там, на мой взгляд, слишком дорого, слишком ярко, мошек и других насекомых слишком много, и вообще все — сплошная липа. Но я бы не сказала, что поездка прошла совсем впустую, поскольку именно там я увлеклась генеалогическими исследованиями — замечательной хобби, оказавшаяся в моем случае занятием еще весьма полезным.

Впрочем, должна заметить, что эти исследования сослужили мне добрую службу не один раз. Ведь именно благодаря им я познакомилась со многими очень приятными дамами и джентльменами (с некоторыми, правда, только по переписке), не говоря уже о том, что таким образом я встретила и мистера Джеральда Фаулкса.

Однако я забегаю вперед, когда начинать следует с начала. Хотя кто может знать, где оно, это начало, на самом деле? С одной стороны, началом можно считать мое знакомство с генеалогией при помощи миссис Эрнестины Симпсон, уже умершей, но с другой стороны, началось все почти двести лет назад. Хотя лично для меня настоящим началом, пожалуй, может служить тот день, когда я впервые натолкнулась на имя Юфимии Барбер.

Даа, видимо, так. Но, наверно, прежде всего мне следует

объяснить, что такое генеалогическое исследование. Это изучение какого-либо генеалогического древа, в ходе которого приходится проверять по документам даты рождений, браков и смертей, разыскивать старинные фамильные книги и расспрашивать людей. Лишь после этого можно постепенно построить само дерево, показывающее, кто и в каком году кого породил, когда женился, когда умер и так далее. Это го-настоящему увлекательная работа, и в стране существует множество любительских генеалогических обществ. Когда вы построите такое дерево настолько поколений назад, насколько вам захочется — на семь, на девять или еще дальше — вы можете записать результаты ваших исследований в книгу и передать ее местной библиотеке. Тогда можно будет сказать, что существуют сведения о чьей-либо семье, которые сохраняются на все грядущие времена, и лично я считаю, что это важно и ценно, хотя мой младший сын Том смеется надо мной, считая мое увлечение пустым занятием. Так вот, это вовсе не пустое занятие. В конце концов, именно благодаря ему я получила доказательства целой серии преступлений.

Итак, все началось с Юфимии Барбер, второй жены Джона Андерсона. Джон Андерсон родился в округе Гучленд, штат Виргиния, в 1754 году; женился на Этель Рите Мэри Рэйборн в 1777-м, почти сразу после революции, и у них родилось семеро детей, что для того времени было совсем не так уж необычно. Сейчас большие семьи вышли из моды, и лично я думаю, что это нехорошо.

Так вот, третий ребенок Джона и Этель Андерсонов, девочка по имени Пруденс, стоит как раз по прямой линии моих предков со стороны отца моей матери, поэтому, разумеется, они оба попали в мое генеалогическое древо. Этель Андерсон умерла в 1793 году во время родов (восьмой ребенок тоже умер), и тремя годами позднее, в 1796-м, Джон Андерсон снова женился, на этот раз на вдове по имени Юфимия Барбер. В то время ему исполнилось уже сорок два, а ей, по свидетельству архивных документов, — тридцать девять.

Конечно, Юфимия Барбер, будучи второй женой Джона Андерсона, к числу моих кровных предков не относилась, но меня в определенной степени интересовала и ее родословная: я хотела добавить к своим фамильным исследованиям ее место рождения и имена родителей. Кроме того, со стороны матери моего отца у нас были какие-то родственники Барберы, и я подумала, что они, возможно, потомки этой самой Юфимии. Однако архивные записи оказались неполными, и я смогла узнать лишь то, что Юфимия Барбер родилась не в Виргинии и до того, как вышла замуж за Андерсона, она прожила в этих местах всего год или два. Через два года после свадьбы муж Юфимии Барбер скончался, она продала семейную ферму, по всей видимости, довольно богатую, и куда-то уехала. Других сведений о второй жене пра-пра-пра-прадеда со стороны отца моей матери мне лично найти не удалось. Но поскольку свое фамильное древо — на девять поколений назад — я почти закончила, а жизнь Юфимии Барбер

представлялась довольно интересной и богатой событиями, я решила обратиться в «Генеалогический обмен». Надо полагать, теперь следует объяснить, что такое «Генеалогический обмен». По всей стране живет немало любителей генеалогии, занимающихся главным образом фамильными изысканиями по своей собственной линии. Но генетические деревья, разумеется, пересекаются, и нередко кто-то располагает как раз той информацией, которую долгие месяцы тщетно разыскивает другой исследователь. Существуют журналы, специализирующиеся за определенную плату на обмене подобной информацией, и за последние несколько лет с их помощью я сумела основательно прояснить прошлое своего рода. Мое объявление в летнем выпуске «Генеалогического обмена» выглядело так:

Бакли, Генриетта Роудс, 119А, Ньюберистрит, Бостон, Массачусетс. Располагаю данными о семействах Роудсов, Андерсонов, Ричардсов, Прайоров, Маршаллов, Лордов. Необходима любая информация о Юфимии Барбер, жене Джона Андерсона, штат Виргиния, 1796.

Да, «Генеалогический обмен» не раз оказывал мне содействие, но никогда я не получала столько писем, сколько было упомянуто о Юфимии Барбер. И первым откликнулся мистер Джеральд Фаулкс.

ЭТО случилось через два дня после того, как я получила номер летнего «Обмена». Когда раздался телефонный звонок, я все еще изучала его, разыскивала людей, которые могли оказаться связанными с различными ветвями моего фамильного дерева. Признаться, меня не обрадовало, что придется оторваться от своего занятия, и, возможно, когда я сняла трубку, по моему голосу это чувствовалось.

Впрочем, джентльмен на другом конце провода не подал виду, что его шокирует мой тон, несколько не укладывающийся в рамки приличий.

— Будьте добры, могу я поговорить с миссис Генриеттой Бакли? — глубокий и сильный голос в трубке показался мне приятным.

— Миссис Бакли слушает вас, — ответила я.

— Э-э-э, простите, что я вам звоню, миссис Бакли. Мы с вами никогда не встречались. Но я заметил ваше объявление в последнем выпуске «Генеалогического обмена» и...

— О?! — Я сразу заинтересовалась, и все мое нетерпение тут же исчезло. Ни разу мне не отвечали так скоро.

— Да, — сказал он. — Я заметил ваше упоминание о Юфимии Барбер и полагаю, что это Юфимия Стоувер, которая вышла замуж за Джейсона Барбера в городе Саванна, штат Джорджия, в 1791 году. Я ее прямой потомок по материнской линии. У Джейсона и Юфимии был только один ребенок, Абернер; и моя родословная идет как раз от него.

— Что ж, — сказала я, — у вас действительно исчерпывающая информация.

— Да, — ответил он. — Свое фамильное древо я почти

закончил. Я имею в виду, до двенадцатого поколения назад. И право, не уверен, стоит ли идти дальше. Вы сами знаете, сколь неполны английские архивы до 1600 года.

— Да, конечно, — сказала я.

Должна признаться, меня это поразило. Двенадцать поколений! Пожалуй, о более серьезном генеалогическом дереве я еще не слышала, хотя читала, что некоторым удалось проследить отдельные ветви своего дерева до пятнадцатого поколения. Но самой разговаривать с человеком, который сумел разыскать сведения обо всех своих родственниках на двенадцать поколений назад!

— Может быть, мы встретимся, — сказал он, — и я передам вам информацию о Юфимии Барбер. Кроме того, в одной из ветвей моей семьи есть Маршаллы. Не исключено, что я смогу помочь вам и здесь. — Он засмеялся, и его приятный сочный смех напомнил мне Эдварда, моего умершего мужа, в те моменты, когда он бывал особенно чем-то доволен. — И конечно же, возможно, что вы располагаете той информацией, которая поможет мне.

— Это будет просто замечательно, — сказала я и пригласила его к себе на следующий день.

ВИЗИТ обаятельного джентльмена, не скрою, был мне приятен, тем более, что этот джентльмен разделял мои интересы.

И мистер Джеральд Фаулкс не разочаровал меня. Выглядел он не старше пятидесяти пяти, хотя уверял, что ему шестьдесят два. Волевое, но доброе лицо, красивые седые волосы. Одет очень хорошо, в самой манере одеваться ощущаешься и состоятельность, и происхождение — комбинация редкая в наши дни, когда люди благородного происхождения неизменно выглядят бедно, а богачи почти всегда ужасные плебей. Мистер Фаулкс вел себя по-джентльменски утонченно — то, что раньше называлось «обходительностью».

От мистера Фаулкса я получила недостающую мне информацию о Юфимии Барбер.

Затем мы принялись сравнивать истории наших семейств и обнаружили общего для обеих родословных Алана Маршалла из Ливерпуля, жившего в конце семнадцатого века. Я сообщила мистеру Фаулксу дату рождения Алана Маршалла, после чего, собственно говоря, задача нашей встречи была выполнена. Я предложила чай с пирожными, поскольку часы показывали уже 16.30, и мистер Фаулкс любезно принял мое предложение.

Перед уходом он пригласил меня на концерт в пятницу вечером, и я с готовностью согласилась. Вот так и начались самые странные три месяца в моей жизни.

Мне потребовалось не так уж много времени, чтобы понять, что за мной ухаживают. Поначалу, признаться, я в это даже не поверила. В мои-то годы!

По правде сказать, я боялась, что мой сын Том будет смеяться надо мной и с первого же взгляда проникнется к мисте-

ру Фаулксу недобрыми чувствами. Видимо, такие представления сложились у меня под влиянием многочисленных прочитанных романов. И я была в высшей степени приятно удивлена, когда увидела, что Том и мистер Фаулкс великолепно поладили друг с другом. Еще более меня удивило, когда Том рассказал мне, что мистер Фаулкс спрашивал его, не станет ли тот возражать, если мистер Фаулкс попросит руки его матери. Том ответил, что не возражает и, более того, считает это великолепной идеей, поскольку знает, что и я, и мистер Фаулкс одиночки, а кроме генеалогических исследований, нам заниматься нечем.

СЛЕДУЮЩИЕ три месяца мы провели очень активно. Мистер Фаулкс — Джеральд — возил меня повсюду: в театры, в музеи, на концерты... В предусмотрительности и внимании ему нельзя было отказать, так что встречались мы чуть ли не каждый день.

Мои собственные генеалогические исследования все это время, разумеется, не продвигались вперед ни на шаг. Не хватало времени, да и мысли постоянно занимал Джеральд. Какие уж тут предки до девятого колена! Обещавшие интересные находки письма «Генеалогического обмена» мертвым капиталом лежали в ящике моего стола, нераспечатанные и безмолвные.

— Я уже не молод, Генриетта, — сказал он, — не особенно красив (на мой взгляд, очень красив), не очень богат, хотя на оставшиеся годы скопил достаточно. Я мало что могу предложить тебе, кроме самого себя, своей скромной компании и заверения в том, что всегда буду рядом.

Я сразу дала согласие и тотчас позвонила Тому, чтобы сообщить ему это радостное известие. Том и его жена Эстелла устроили для нас праздничный обед, а затем мы принялись строить планы на будущее.

Планы! Приготовления! Как заполнены были мои дни, совсем недавно еще такие пустые!

Почти всю последнюю неделю я потратила на подготовку к отъезду с квартиры на Ньюбери-стрит. Мебель должен был перевезти Том, пока мы с Джеральдом будем в Вашингтоне, но мне предстояло упаковать все вещи.

В конце концов я добралась и до письменного стола, где в полном забвении лежали мои генеалогические труды. Я села за стол, чувствуя себя немного усталой, потому что с утра до вечера занималась делами, и решила хоть немного привести в порядок бумаги, прежде чем вновь, до лучшего времени, упаковать их в коробку.

Всего пришло двадцать три письма. В двенадцати из них запрашивалась информация о различных семействах из моей родословной, упомянутых в том объявлении, что я отправила в «Обмен», в пяти предлагалась информация мне, и еще шесть писем касались Юфимии Барбер. Поскольку именно Юфимия Барбер познакомила нас с Джеральдом, я решила эти письма прочесть целиком.

И тут меня ждало ужасное потрясение. Я прочла все шесть писем, потом долго сидела за столом без сил, глядя куда-то в пространство и осмысливая чудовищную картину, вырисовывающуюся перед моим внутренним взором. То, что эта картина была правдивой, сомневаться не приходилось. Письма посланы из самых различных уголков страны (даже с Аляски), самыми разными людьми, которым незачем в угоду (или, наоборот, в пику) некоей Генриетте Роудс искажать реальные факты.

Судите сами. Вот что я знала до того, как прочла письма о своей генеалогической героине: Юфимия Стоувер родилась в 1765 году в городе Салем, штат Массачусетс. В 1791 году вышла замуж за Джейсона Барбера, вдовца из города Саванна, штат Джорджия. Через два года, в 1793-м, Джейсон умер от расстройства желудка. Тремя годами позднее Юфимия появилась в Виргинии и вышла замуж за Джона Андерсона, также вдовца, который умер в 1798 году. В обоих случаях Юфимия продала собственность покойных мужей и уехала.

А вот что добавили к моим знаниям письма:

От миссис Уинни Мэй Катберт из Далласа, штат Техас: через два года после смерти Джона Андерсона, в 1800 году, Юфимия Барбер появилась в Харрисберге, штат Пенсильвания, и вышла замуж за Эндрию Катберта, вдовца и преуспевающего торговца провиантом. Эндриу умер в 1801 году от расстройства желудка. Вдова продала его магазин и уехала.

От мисс Этель Саттон из Луисвилля, штат Кентукки: в 1804 году Юфимия Барбер вышла замуж за Самюэля Николсона, вдовца и владельца табачной фабрики. Самюэль Николсон умер в 1807 году от расстройства желудка. Вдова продала его фирму и уехала.

От миссис Изабеллы Паджетт из Барроу, штат Аляска: в 1808 году Юфимия Барбер вышла замуж за Томаса Нортонна, в те годы мэра Доувера в штате Нью-Джерси и вдовца. В 1809 году Томас Нортон умер от расстройства желудка.

От миссис Луэллы Миллер из Бикнелла, штат Юта: в 1811 году Юфимия Барбер вышла замуж за Джонаса Миллера, вдовца и состоятельного судовладельца из Портсмута в штате Нью-Гэмпшир. В том же году Джонас Миллер умер от расстройства желудка. Вдова распродала его собственность и уехала.

От миссис Лолы Хопкинс из Ванкувера, штат Вашингтон: в 1813 году на юге Огайо Юфимия Барбер вышла замуж за Эдварда Хопкинса, фермера и вдовца. Эдвард Хопкинс умер в 1816 году от расстройства желудка. Вдова продала ферму и уехала.

От мистера Роя Камби из Канзас-Сити, штат Миссури: в 1819 году Юфимия Барбер вышла замуж за жителя Нью-Джерси Стенли Татчера, владельца речной баржи и вдовца. Стенли Татчер умер от расстройства желудка в 1821 году. Вдова продала его собственность и уехала.

Д ОКАЗАТЕЛЬСТВ более, чем достаточно. Временные интервалы, не обозначенные датами, могли означать, что смертоносным чарам Юфимии Барбер поддались еще несколько вдовцов, среди потомков которых не оказалось любителей генеалогии. Кто знает, сколько мужей она убила? Ведь речь шла о настоящих убийствах, жестоких убийствах ради наживы. Я располагала сведениями о восьми преступлениях, но не исключено, что она совершила еще восемь или восемнадцать. Кто может знать так много лет спустя, сколько раз Юфимия Барбер безнаказанно убивала ради наживы?

Непостижимая женщина. Все ее мужья были до того вдовцами, людьми одинокими, которых эта коварная женщина наверняка могла увлечь. Она охотилась за вдовцами и вдовой покидала их всех.

Джеральд...

Я уверенно оттолкнула возникшую вдруг мысль. Этого не может быть, в этом нет ни зернышка правды.

Но что я знала о Джеральде Фаулксе кроме того, что он сам мне рассказал? И ведь я сама вдова, одинокая, способная увлечься. И тоже неплохо обеспеченная.

Люди говорят: «Куда отец, туда и сын». Не возможно ли, чтобы то же самое относилось к пра-пра-пра-пра-правнуку и пра-пра-пра-прабабке?

Вот такая мысль... И мне пришло в голову, что в стране, должно быть, очень много вдов вроде меня, занимающихся воссозданием своих родословных. Женщин, у которых достаточно денег и свободного времени, женщин, чьи дети выросли и упорхнули в большой мир жить своими жизнями, женщин, заполняющих пустые часы воссозданием генеалогий. Общая увлеченность генеалогией — чем не повод познакомиться для беспринципного охотника на обеспеченных вдов?

Ужасно было думать такое о Джеральде. И все же я не могла выбросить эту мысль из головы. В конце концов решила, что мне ничего не остается, кроме как попытаться проверить те биографические данные, с которыми он меня познакомил. Если все окажется верным, то Джеральд не может быть извергом, и мои опасения неверны.

Он говорил, что долгое время работал на бирже в Олбани. Я тут же позвонила старому другу своего покойного мужа, маклеру в Бостоне, и спросила, не может ли он узнать для меня, занимался ли в Олбани акциями последние пятнадцать-двадцать лет человек по имени Джеральд Фаулкс. Он сказал, что легко выяснит это и позвонит мне. Позвонил и ошарашил меня известием, что имя Джеральда Фаулкса не фигурирует ни в одном статистическом справочнике.

Я все еще отказывалась поверить. Надев пальто и шляпу, я вышла из дома и отправилась напрямик в телефонную компанию, где после долгих полуправдивых объяснений насчет генеалогических исследований мне удалось убедить одну из сотрудниц поискать для меня старую телефонную книгу города Олбани. Я знала, что главная контора телефонной ком-

ЧЕЛОВЕК ВЫБРАЛСЯ ИЗ СУГРОБА...

пани держит для удобства клиентов такие книги по всем крупным городам, но не была уверена, сохранились ли у них справочники за прошедшие годы. Та сотрудница, с которой я говорила, тоже сомневалась, но, по крайней мере, пошла, поискала и в конце концов вернулась с телефонным справочником Олбани пятнадцатилетней давности. В пыльной, потрепанной, но полностью целой книге содержался и обычный алфавитный указатель абонентов, и списки контор.

Джеральд Фаулкс не числился ни в первом указателе, ни во втором, в разделе «Акции и ценные бумаги».

Итак, последние сомнения исчезли. Метод Джеральда Фаулкса был гениально прост. Созрев для очередной жертвы, он принимался искать в том или ином генеалогическом журнале имя женщины, с которой в прошлом у него имелись общие предки. Быстро определял, вдова ли она, подходит ли ему по возрасту и личному счету в банке, после чего знакомился с нею и начинал ухаживать.

Надо полагать, он впервые совершил ошибку, используя в качестве посредницы Юфимию Барбер. Он, по всей вероятности, даже не представлял, что является ее прямым наследником не только по крови, но и по общему роду занятий. Более того, никто из шестерых, написавших мне о Барбер, скорее всего, не догадывался о ее истинной роли в судьбе их далеких предков, поскольку все информанты знали только об одном ее браке и об одной связанной с ним смерти.

Что же мне делать? В такси по дороге домой я сидела, съезжившись, в углу, и пыталась заставить себя думать.

ОТКРЫТИЕ действительно сильно расстроило меня. Что я скажу Тому, другим своим детям или кому-то из моих друзей, которым я поторопилась сообщить радостное известие о скором замужестве? Как я вернусь к серым скучным дням, преследовавшим меня до появления Джеральда с его веселостью, общительностью и галантным изяществом манер?

Я даже не могла позвонить в полицию. Мне самой доказательств хватало, но смогу ли я убедить кого-нибудь еще?

Потом вдруг приняла решение. А приняв решение, почувствовала себя на десять лет моложе и на десять фунтов легче. Кроме того, я почти перестала ощущать себя душой, так как помимо всего прочего, должна признаться, открытие сильно ударило по моей гордости.

Решение было принято. Счастливая и веселая, я вернулась домой.

Мы поженились.

Вы удивлены? Но почему бы и нет?

Потому что он попытается убить меня? Конечно, попытается. Он уже пытался раз пять или шесть.

Но Джеральду приходится работать в ужасно трудных условиях. Потому что он не может убить меня так, чтобы это походило на убийство. Я должна скончаться естественной смертью или, на худой конец, от несчастного случая. Иными словами, он вынужден действовать хитро и изобретательно,

планировать и подстраивать. Укокошить меня в открытую — для него все равно, что подписать самому себе смертный приговор.

Преимущества поэтому на моей стороне: я знаю о его планах и действую соответственно.

С другой стороны, что мне терять? В семьдесят три-то года? Сколько мне осталось жить на этой земле? Зато какой богатой впечатлениями стала жизнь! Особенно по сравнению с тем, что было до Джеральда! Жизнь, приправленная ощущением опасности, восхитительная игра в кошки-мышки, сложные маневры и контрманевры этой самой увлекательной из забав.

И конечно же, приятный обаятельный муж. Джеральд обаятелен оставаться приятным и обаятельным. Он никогда не может позволить себе не согласиться со мной, по крайней мере, наотрез, поскольку не в его интересах упустить меня. И точно так же он не может позволить себе поверить в то, что я его подозреваю. Я никогда не говорю с ним об этом и веду себя так, словно вообще ничего не знаю. Мы вместе ходим на концерты, в музей, в театр. Джеральд неизменно внимателен и заботлив. Лучшего компаньона пожелать трудно.

Разумеется, я не могу разрешить ему приносить мне завтрак в постель, хотя он очень настаивал. «Нет, — сказала я ему, — я женщина старого воспитания и считаю, что приготовление пищи — женская работа». К кухне я его и близко не подпускаю. Бедный Джеральд!

Мы не путешествуем, хотя он предлагал неоднократно.

Мы закрыли второй этаж дома, когда я сказала, что первый и так достаточно просторен для двоих, а мне уже немало лет, и поэтому тяжело взбираться по лестнице. Ему, разумеется, ничего не оставалось, кроме как согласиться.

А между тем, в тайне от Джеральда, я подыскала еще одно занимательное хобби. Путем осторожных расспросов, внимательного изучения прошлых выпусков различных генеалогических журналов и фамильного дерева Джеральда я шаг за шагом составляю еще одну родословную. Нет, это не генеалогическое дерево. Ни в коем случае. При желании его можно назвать «висельным деревом». Это список жен Джеральда. Вместе с моим генеалогическим досье я завешала его Бостонской библиотеке. Если Джеральду удастся все же меня подловить, какой сюрприз ожидает библиотекаря, который будет разбирать мои изыскания! Впрочем, для моего мужа это будет гораздо большим сюрпризом.

А вот, кажется, и Джеральд вернулся. В купленном на прошлой неделе автомобиле. Он, видимо, снова собирается пригласить меня на прогулку по городу. Но я не поеду.

ЯЗОН: НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ, МУЧАЯСЬ ОТ ГОЛОДА И ХОЛОДА, БЛУЖДАЯ ПО НЕСКОНЧАЕМЫМ ПОДЗЕМНЫМ ЛАБИРИНТАМ В ПОИСКАХ ВЫХОДА.

Похоже, я здесь не первый гость. Какое странное озеро — изнутри его, похоже, брызжит свет. Чтобы не превратиться в такую же мумию, я должен решиться.

ДЛОФ!

Холодная вода обожгла Язона...

Дмитрий Лебедихин

ПОИСКОВАЯ ПАРТИЯ

Дерево, как большая раковина, выброшенная из моря. Прижмись ухом к стволу и услышь, как стонет и поет ветер в вершинах всего леса.

ЛЕДИН был зол. Он рывком распахнул дверь КПП и так глянул на прижавшегося к белой стене салегу-дневального, что тот сам догадался позвонить дежурному по части:

— Пришел какой-то гражданский, просит его пропустить... Куда?

— К старшине первой роты, прапорщику Щекланову, — Ледин перебрасывая с руки на руку дипломат, казавшийся игрушкой в его широких ладонях.

— Товарищ... — сказал дежурный и осекся, вспомнив, что перед ним не офицер. Затем, справившись с неловкостью, продолжил. — Вы старшине кем приходитесь?

— Пиши родственником... Даже близким, — процедил сквозь зубы Ледин.

Сержант еще раз затравленно оглядел непрошеного гостя и, назначив сопровождающего, пропустил в часть.

Таким Ледин и представлял себе батальон. Бараки, крашенные известью, жидкие сосны перед плацем и редкие люди, кажущиеся мусором среди всеобщего лабораторного порядка. Еще совсем недавно все это — почти такие же подслеповатые казармы, стоящие назытяжку деревья, общая неуютная дистиллированная прибранность — было частью жизни Ледина, и он теперь крутил головой, надеясь догадаться, где размещается первая рота.

— Вон там обитает ваш Щекланов? — спросил Ледин у семенящего рядом рядового, указывая рукой в сторону отдельно стоящего двухэтажного здания.

— Да, там.

— Сейчас уж не заблужусь. Пока. Беги служи Родине. — Ледин щелкнул рядового по светлосму затылку, стеснительно выглядывающему из-под пилотки. Парень остановился, на его лице отразилась неприязнь и зависть к «свободному человеку». Он, наверное, хотел ответить, постыдить гражданского на место, но, оценив дистанцию до своего дембеля и нагловатый взгляд недавнего «деда», повернулся, сплюнул и пошел обратно.

Дипломат жег ладонь, как готовая разорваться бомба. В нем были фотографии. Инги. Инги и ребят. Всех пятерых. Ледин знал, что такое нельзя снимать на пленку. Это кажется чудовищным — фотографировать развороченные пулями тела, ползать по кровавой тразе и в сумасшедшем иступлении щелкать затвором, а уже после положить весь этот ужас, всю эту боль в дипломат и идти сюда? Невозможно!

Солнце светило почти отвесно, и Ледин шагал, словно спеша втоптать свою тень в плавающий асфальт.

— Борисыч!

Ледин вздрогнул и оглянулся. Некоторое время он смотрел на приближающегося к зданию человека в военной форме, пока, наконец, понял, что окликнули не его. Ледин повернулся, сделал несколько шагов и увидел, что на крыльцо вышел, видимо, тот, кого назвали «Борисычем» — грузный человек, ростом чуть ниже среднего, одетый в зеленую рубашку с закатанными руками. Его потную лысину обрамляла щетка темных волос, крупный нос с темными порами лоснился.

Ледин мог и не всматриваться так пристально — он узнал Щекланова. Впрочем, слово «узнал» не годится. Он помнил каждую деталь его лица: слегка вывернутые ноздри, одутловатые с ямочками щеки, неухоженные ворсистые усы, подбородок, настолько массивный, что, казалось, он оттягивает нижнюю челюсть до груди. Помнил потому, что Щекланов был последним, кого видел Ледин перед «смертью».

«Неужели он так ничего и не понял? Кого они видели в нас? И в кого стреляли?» — думал Ледин. Занятый своими мыслями, он поднялся на крыльцо, опередив незнакомого военного.

— Семен Борисович... — Прапорщик, начавший было спускаться по ступенькам, остановился и, полуобернувшись, посмотрел на Ледина. Их взгляды встретились. Удивленный, недоумевающий Щекланов и откровенно вызывающий Ледин. Ледин считал, что Щекланов узнает его и представлял встречу иной. Но прапорщик словно видел гражданского-парня впервые: выгоревшая на солнце туристская куртка, лата-

ЛЕДИН НЕ ШИБИЛСЯ В СВОИХ ДОГАДКАХ.
ПОДЗЕМНЫЕ ЦЕПЕИ ВЫЖИЛИ В АДАМНУ.

КАК ТЫ, БАРВАР,
ОКАЗАЛСЯ В МОИХ
ДЕЛИКАХ! ОТВЕЧАЙ МНЕ,
Я РАЗРУБИЛ ТЕБЯ НА
КУСКИ!

ные брезентовые штаны, стоптанные кеды... На неброскую одежду нахлобчилась — в глазах Щекланова — столь же неброская внешность — высокий, серые колючие глаза, сжатые губы, трех-четырёхдневная щетина — не признал. А ведь все, как тогда, и весь туристский маскарад тоже для этого «все, как тогда» — и, как тогда, не признал.

— Здравствуйте, — сумел выдавить из себя Ледин. Злость поднималась в нем. Щекланов почувствовал это. Даже голос, похоже, ничего не напоминал прапорщику, но ему отчего-то стало не по себе. Он съехал и еще раз посмотрел в лицо странного посетителя. Так они и стояли друг против друга — высокий, сутулый, непроизвольно набычавшийся Ледин и растерянный от неясных предчувствий и неожиданностей Щекланов. Между тем военный, шедший к Щекланову, постояв под крыльцом, понял, что у Борисыча свои дела, и ушел. А прапорщик поспешно перебирал в памяти лица и фамилии старых и новых знакомых вплоть до недавно уволившихся солдат и не мог вспомнить, почему этот голос вселяет в него старательно забытое чувство панического животного страха.

Они прошли в канцелярию. Ледин, притворив дверь, положил на стол дипломат, открыл его и вытащил фотографии...

ЛЕС снова ожил. Недавно вливал июньские дожди, он удивлял чистой, отмытой зеленью. Посвежели даже хрупкие лишайники, и стволы деревьев с затененной стороны словно покрывали лохматые мягкие коврики. Лес музицировал разнотонами птичьих голосов, гулко резонирующих в кронах высокого соснового полога...

— Инга, ведь когда вечером мы сошли с поезда, лес молчал. А сейчас, слышишь? Поет и смеется!

— Сам ты смеешься. Опоздали на поезд. Теперь ищи, куда Сашка увел ребят.

Вдоль перелеска по просеке шли двое. Высокий плотный парень и спортивного сложения девушка, почти не уступающая ему в росте. В пути они были с самого утра и успели основательно утомиться. Инга начала отставать и уже не имела интереса в дальнейшем походе. С каждой сотней метров цель, которую искала вся группа, казалось ей все прозрачней. Парень, приметив перемену в своей спутнице, старался, как мог, развлечь ее: первое время он рассказывал анекдоты и всякие занимательные, на его взгляд, истории, но когда Инга окончательно выбилась из сил и хмурилась даже в тех случаях, когда, по всем законам чувства юмора, следовало расхохотаться, перешел на более насыщенные темы:

— Сейчас выйдем к дюнам. Там далеко видно. Ребята не могли уйти в сторону. Я уверен — мы встретимся у залива. Они ведь тоже идут по азимуту. А представляешь, Инга! Мы случайно находим огромный метеорит. Или хотя бы воронку? Как нам зазидовать будут!

Инга откровенно скучала. Ей, конечно, нравилось внимание Дениса, его забота к ней, но она настолько устала, что даже в душе не могла иронизировать над ним. Действитель-

но, Денис только фотограф, и поддерживать беседу может лишь смешно рассуждая о совершенно незнакомых ему вещах.

Деревья кончились. Денис и Инга стояли на холме, поло- го спускавшемся к заливу. Погода к тому времени переменялась. Солнце, скрывшись за дымкой сероватых туч, сделало тени расплывчатыми и угрюмыми. Пейзаж приобрел пепельный оттенок. Полоса прошлогодней осоки окружала побережье. Кое-где виднелись корявые полузасохшие ивы. Песок казался слежавшимся снегом, и даже боязно было ступать через плети ежевики на его неживую поверхность.

— Слушай, Денис, здесь уж как-то очень сумрачно. Не- хорошо. Пойдем на станцию, — девушка взяла спутника за руку. — Зачем нам метеорит? Зачем эти приключения? Пойдем...

Для Дениса в дюнах не было ничего необычного, и он с тревогой смотрел на прильнувшую к нему девушку, не понимая причин ее беспокойства.

— Давай здесь отдохнем, а потом пройдем к побережью левее. Смотри, солнце снова проглянуло. Иди искупайся — и как рукой все снимет.

— А ты?

— Не могу, прививка.

Инга пошла купаться, а Денис, оставшись лежать на теплом песке, смотрел ей вслед. Залив был мелкий, девушка отшла уже метров на сорок, а вода едва достигала ее колен. Вокруг, по берегу, густо росла облепиха. Медленная зыбь у границы воды и песка качала сотни мертвых насекомых. Под локтем хрустели выбеленные солнцем ракушки. Денис поднял одну и приблизил к глазам. С обратной стороны она напоминала череп, и это кладбище крошечных черепов тянулось полуметровой полосой вдоль всего побережья... Мертвый песок, мертвые насекомые, мертвые ракушки-черепки... Денису стало не по себе.

— Инга! — крикнул он.

В солнечной дорожке залива Инги не было. «Решила окунуться», — подумал Денис. Секунды шли. Он сосчитал до тридцати, сорока, ста, но голова не появлялась. Залив, покрытый статической рябью, был пуст. В теплом воздухе парня пробрал озноб. Не раздеваясь, он бросился к воде.

— Инга! — опять закричал он. — Инга! — И в испуге проснулся.

ДЕВУШКА выходила из воды.

— Ты что? Уснул?

— Ай, — отмахнулся Денис. Мышцы показывало как после бега, во всем теле ощущалась разбитость и изломанность. — И точно место нездоровое. Чертовщина чудится.

— А у меня все прошло. И так легко, легко! А ты валяешься, соня, уяелень! А ну, вставай, ставь палатку, разводи костер! На дымок и наши подойдут! — Инга присела на корточки. На ее ресницах дрожали капельки воды, чистой и прозрачной. Денис замотал головой, прогоняя остатки кошмара...

СМОТРИТЕ! — Сашка показал рукой в сторону залива. Метрах в двадцати от берега, среди серовато-зеленой травы, темнела воронка. Всплученная кратером земля вперемежку с песком образовывала вокруг нее практически идеальную окрестность.

— Неужели он? — восторженно выдохнула Маринка.

— Вполне возможно, — Вадик шевелил губами, видимо, подсчитывая возможный вес метеорита.

— Отсюда полпобережья видать, но Дениса и Инги нет. Неужели они так и не поехали? — Мишка из-под ладони всматривался вдаль. — Давайте спустимся к берегу.

Маринка, легкомысленно разбрасывая босыми ногами песок, побежала по склону. Парни засмотрелись. Сашка театрально вздохнул и побрел вслед. Вадик поправил ляжки и двинулся за ними. Мишка замешкался. Его взгляд еще раз обжег берег в поисках палатки и неожиданно наткнулся на странную преграду. Мишка сначала не понял, что заставило его насторожиться, но, присмотревшись к зарослям облепихи, осоки, травы, уловил некий объединяющий их признак. По огромному кругу растительность полыхнула небывалой зеленью. Трава казалась специально покрашенной. Облепиха, издали обычно серебристо-серая, теперь светилась живым, красновато-зеленым оттенком. И эпицентром этого круга была метеоритная воронка... Ребята ушли далеко, и Миша поспешил вниз.

Маленькая поисковая партия расположилась лагерем в пределах Круга. Маринка готовила поздний обед. Мишка как обычно ей помогал. Он чистил картошку.

— Миша, — позвала его Маринка. — Давай быстрее, у меня вода закипает.

Но Мишке в этот момент было не до картошки. К очисткам картошки подобралась рыжая мышь-аборигенка. И как подобралась! Мишка замер с открытым ртом. Мышь уселась на хвост и принялась грызть ошкурок. Мишка медленно встал в бок, осторожно переступая, подвинулся к костру.

— Ты чего? — изумилась Маринка.

— Вон смотри — мышь. Сейчас я ее пугну — замечай, как побежит! — Он поднял горящую ветку и бросил под куст. Полевка от близкого дыма и треска встрепенулась, подскочила и полпыла по воздуху, быстро-быстро перебирая лапками, как будто бежала по самым верхушкам колючей травы. Маринка выронила нож и, охнув, опустилась на землю.

Ночь упала искрами светлячков. Залив тяжело вздыхал. Ребята, подавленные, сидели у погасающего костра. Все чувствовали странное движение, происходящее в теле. Возбуждение, испытанное при вступлении в Круг, сменилось апатии ей. Ветер шевелил золу, и угольки, казалось, многозначительно подмигивали. Первым нарушила тишину Сашка:

— Нельзя так раскисать. Просто 40 км за день — это не шутка. Утром с новыми силами осмотрим воронку, замеряем. Может, Денис приедет. И с мышинным феноменом разберемся...

ИНГА ворочалась во сне, стонала, порой заходилась страшноватым, по-детски истерическим плачем. Денис не спал, точнее, не позволял себе спать, направив все усилия то и дело погасающего сознания на заботу об Инге.

ЧЕГО ЖЕ Я НЕ УЧЕЛ?

ПЛАН ПРОВАЛИЛСЯ. КЕРКУ НЕ УДАЛОСЬ СМЕСТИТЬ ТЕМУЩИНА. МЫ СБОРАЧИВАЕМ ВСЕ ОПЕРАЦИИ И ГОТОВИМСЯ ПОКИНУТЬ ПЛАНЕТУ.

ПРИМЕТЕВШИИ ВСКОРЕ ГЛАЙДЕР ДОСТАВИМ ИХ НА КОРАБЛЬ.

ЗАВТРА МЫ ПОКИДАЕМ ЭТО НЕОЧАСТНОЕ СЧАСТЬЕ

ЯЗОН, ДАЖЕ НЕ ВЕРИТСЯ, ЧТО ТЫ ВЕРНУЛСЯ!

Я ПОНЯЛ СВОЮ ОШИБКУ. БАРВАРОВ НЕЛЬЗЯ ЦИВИЛИЗОВАТЬ НАСИЛЬСТВЕННО. ОНИ ДОЛЖНЫ СТОЛКНУТЬСЯ С КУЛЬТУРНЫМ

— МИРОМ ДАМН, И ТОГДА БОРЬБА МЕЖДУ КУЛЬТУРОЙ И БАРВАРСТВОМ РЕШИТСЯ В ПОЛЗУ БОЛЕЕ РАЗВИТОГО МИРА.

интеллигенты кумекают. Наше дело — найти, установить наблюдение, сообщить в батальон. И никакой художественной самостоятельности. Надеюсь, доступно?

Тучи сгущались, небо стало совсем серым. По песку тянуло холодом. Поисковая партия, оставляя рваный след на пригланном ветром песке, взобралась на дюну. Крутой голый склон спускался к самой воде, Щекланов из-под руки рассматривал побережье.

— Штырев!

Сержант подошел, придерживая слетающую лямку автомата.

— Что там?

— Ничего не вижу.

— Да не в воде. На берегу. Дальше... Да, — Щекланов смотрел на прищурившегося солдата и не знал, радоваться или огорчаться, что цель так скоро нашлась.

— На воронку вполне похоже. Только далеко, больше километра... А вон там... — сержант неожиданно смолк. Прапорщик и рядовые впились глазами в берег. Полускрытая от наблюдателя кустами, в непосредственной близости от воронки, притаилась маленькая оранжевая палатка. Щекланов почувствовал, как мурашки побежали по спине. — Кто это? Почему здесь, в расположении части? Неужели точно — «подарок»?..

Солдаты, наоборот, оживились, начали разговоры о туристах, а в особенности о туристках. Прапорщик цыкнул на них.

— Если туристы, то почему на закрытой территории? Дело явно не чисто, — распалал себя Щекланов. — Гудков, настраивай рацию. Если что — доложишь в часть. Штырева, Белярис, за мной.

Три неуклюжие фигурки, смешно ковыляя, стали спускаться с дюны.

ОНИ умирали, как цветы. Комок сияния взрывался искрами, пульсировал, бился на влажном песке, тянулся к убице тонкими нитями и... замирая подле других, уже мертвых.

— Это же люди! — заорал Штырев. Пробитые пулями радужные сияния стонали, падали на траву, и в песок уходила обычная красная кровь. Штырев отбросил автомат и побежал к ним...

— Стой, убью! Не подходи, это провокация, — прапорщик выпустил короткую очередь в воздух. Штырева остановил как вкопанный, нелепо вращая глазами.

— Что?!?! — С разгона из кустов вывалилось еще одно приведение. — Почему... — совсем по-человечески захрипело оно. — Что вы делаете? — Призрак надагил на прапорщика.

Щекланов зажмурился и отчаянно, не думая, нажал на курок. Автомат изрыгнул оставшиеся в магазине патроны. Привидение упало, неуклюже загоревая песок. И только сейчас прапорщик заметил, что изменчивое сплетение световых

нитей, напоминающее капроновую астру, словно коконом охватывает смутно дрожащее человеческое тело.

— Шесть, — пересчитал Щекланов тускнеющие «трупы». Гудков наблюдал в полевой бинокль, рядом сипела на строевой радиостанция. Что передавать? Происшедшее не укладывалось в рамки здравого смысла. Стрельба по привидениям?!

Щекланов возвращался. Гудкову было тошно смотреть на озверевшее лицо старшины. Словно потрясение смахнуло с него весь налет человечности, который он собирал по крупицам всю жизнь. Черты были искажены и, кроме животного страха, ничего не выражали. Штырев был взвинчен и непонятно, как он еще сдерживается. Балаярис кротко шел за спиной старшины.

— Ты стрелял? — спросил Гудков Балаяриса.

— Нет, это они... — Балаярис втянул голову в плечи. Щекланов сидел на траве. Его губы дрожали.

— Почему я? Оборотни... Привидения...

Гудков отключил питание и стал сворачивать рацию.

— Ты что, надо же передать.

— Что именно? — Гудков посмотрел на стоящего над ним Штырева. — Даже если они оттуда (он показала пальцем на небо), все равно их уже нет.

— Нет... Нет! Ты знаешь, кого мы убили? Людей!

— Но как? Они же... — Гудков показал руками что-то бесформенное, пушистое.

— Палатка-то человеческая...

Оба замолчали.

— Руки чистые, считай, только у тебя остались, — продолжал Штырев. — Никогда себе не прощу. Убить просто так, из-за того, что не похожи!

— Был приказ.

— Ему, — Штырев кивнул на старшину, — их пристрелить — все равно что кошку. И то вон до того испугался, что по пору отойти не может. За человека срок, а эти «привидения» ни в одном кодексе не записаны. Как он затрясся, когда они мне людьми показались... Гудков в ответ промолчал. Он думал, что стало с хозяевами палатки, когда на них напали эти... оборотни.

— Ведь в палатке люди жили!

— Жили, — поддакнул Штырев.

— А потом пришли привидения и...

Штырев с удивлением воззрился на Гудкова.

— Ты хочешь сказать, что они пришли и того...

— Я ничего не хочу сказать, привидения привидениями, а вот если нас за убийство привлекут...

— Мы воронки не нашли, — медленно, вежливо произнося слова, заговорил Штырев. — Метеорит не долетел, сгорел, рассыпался на куски. Канул. Пропал. И здесь ничего не было. Мы никого не видели и никого, никого, слышишь, Балаярис, не убивали. Давайте-ка отсюда.

Гудков взгромоздил опостылевшую, так и не пригодившуюся рацию на спину. Щекланов деревянно поднялся и, не глядя ни на кого, пошел вперед, и поисковая партия вскоре скрылась в лесу.

— КТО это? Кто это?!... — Щекланов неестественно запрокинул голову и в упор смотрел на гражданского. Не отрывая взгляд от снимков, тот стоял и как будто не видел ничего перед собой — ни пропыленной канцелярии, ни зашедшего в истерику убийцы, и как той ночью, в палатке с Ингой, ощущал себя отдельно от мироздания, в беспредельной пустоте, витая, мертвый, среди мертвых и искореженных тел. «Живые, еще недавно живые. Я сквозь кусты пролетел, а сержант как заорет: «Это люди!». Сердце упало, Инга в крови лежит. Мишка тогда еще ворочался. Мне пуля вскользь по черепу прошла. Упал рано... Чуть-чуть и было бы спокойнее. С ними — и навсегда». Прапорщик сидел не шевелясь. Ледин вздрогнул и, обращаясь к вечности, сказал:

— Почему вы убили их?

Прапорщик молча встал. Он вспомнил голос и теперь знал, с кем говорит.

— Оборотень, — чуть слышно произнес Щекланов. На снимках не было шестого труп.

Злость захлестнула Ледина.

— Почему вы убили их?

— Разве это были люди? Они, они... походили на цветы...

— Ты сейчас похож на мокрицу.

— Вот, — отчаянно продолжал прапорщик. — Как огненные астры, больше человека, светящиеся и страшные. Когда первое вылетело на меня... — Щекланов дрожал и, казалось, стал еще меньше ростом. — Так неожиданно... Я не знал...

«Это не убийца, — думал Ледин. — Он не способен убить в поединке, открыто, подставляя и свою жизнь, но полоснуть из автомата, не думая, закрыв глаза, умирая от страха, тайно радуясь данной ему власти... Он тоже жертва. Как мы. Но мы погибли, а он жив. Он все забудет, умастит совесть и забудет...»

— Щекланов!

— Я! — прапорщик встал.

— Фотографии я оставлю вам. А около залива... — Ледин споткнулся, хотел сказать «людки», но, посмотрев на тусклое лицо Щекланова, сказал. — Органика там разлагается в течение трех дней. Их будут искать. Но меня, впрочем, как и вас, вряд ли кто теперь тронет. — Ледин наклонился и передал пачку фотографий, со злорадством наблюдая, как едва заметное сияние перетекает с его кожи на руку Щекланова.

Рядовой Гудков, сопровождавший Дениса Ледина к казарме, видел, как гражданский вышел из роты — о чем они говорили со старшиной? — и зашагал к КПП. Гудков взглянул на окна роты. За каназой, в окне канцелярии, ворочалось то самое, знакомое чудо с полигона — страшное, похожее на «капроновую астру, собранную из световых нитей, жидкое и живое...».

Это Щекланов в пепельнице на столе дожигал последнюю фотографию.

ОТБЛЕСКИ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО МИРА

Александр РАКИН

ПИСЬМА будоражили душу. Казалось, даже пальцы, держащие бумагу, чувствовали боль, которую дышали строки.

«Наш сын пропал без вести в Афганистане. Скажите, живой он или нет, можно ли надеяться на его возвращение?»

«Два года тому назад у нас пропала трехлетняя дочка. Поиски пока что ничего не дали. Подскажите хотя бы — жива она или нет...»

«Уже много лет ходим с ребенком по больницам. Множество специалистов занимались ребенком, какие только диагнозы ни ставили, какое лечение ни назначали, а толку никакого. Может, по фотографии, которую мы посылаем, можете справиться с бедой...»

Мой дипломат доверху заполнен такими письмами. И все адресованы единственному человеку, который стал для многих последней надеждой, — Владимиру Ивановичу Сафонову.

Дело в том, что в последнее время в прессе появились публикации о том, что московский экстрасенс В. И. Сафо-

нов обладает уникальной способностью — глядя на фотографию, он безошибочно определяет — жив или нет снятый на ней человек, чем он болен или болеет, детализирует жизненные коллизии. Раньше про Сафонова отечественные издания упоминали только в негативном контексте.

За рубежом у московского экстрасенса создан совсем иной авторитет. Там вышли в свет три его книги. Голландский журнал сообщил о том, что Сафонов сумел по фотографии венценосного семейства установить заболевание, от которого страдали королева Нидерландов Беатрис и ее муж. Голландские журналисты удивили своих читателей минимум еще дважды. Во-первых, когда московский экстрасенс точно диагностировал по фотоснимкам их соотечественников, которые в этот момент находились за тысячи километров от СССР, и во-вторых, — немного позднее — когда подтвердился «сомнительный» прогноз Сафонова: человек, изображенный на одном из контрольных снимков, вопреки общепризнанному убеждению, оказался на самом деле живым — нацистского преступника Менгеля (а речь шла именно о нем) разыскали в одной из стран, где он дол-

гие годы скрывался от правосудия.

В прессу попали сообщения и о других экспериментах Сафонова, в ходе которых он точно диагностировал незнакомых людей, рассматривая лишь отпечатки их пальцев или услышав голос в телефонной трубке... Не ошибался он и тогда, когда диагностировал по образу, который человек возбуждал в его представлении. Эксперименты открывали и другое. Сафонов, воздействуя из многокилометровом расстоянии на исследуемых, изменял показания их энцефаллограмм, температуру тела, в отдельных случаях — снижал или повышал артериальное давление.

Авторы отечественных и зарубежных статей не могли четко объяснить феномен, исходя из общепринятых материалистических теорий и концепций. Большинство непредубежденных исследователей сходились в том, что тайна требует тщательного научного изучения.

Вот с таким собеседником мне и предстояло встретиться.

АДРЕС ЧУДА — ЧЕРТАНОВО

ВЛАДИМИР Иванович встретил приветливо. Вообще приветливость, интеллигентность, деликатность, какая-то особая, глубинная уравновешенность — самая приметная

Газета «Наш ребенок», Киев, 1989.
Июль. Пер. И. Любарского.

черта этого невысокого сухощавого мужчины.

Узнав про письма, которые я привез, Владимир Иванович утомленно улыбается:

— Конечно, я благодарен читателям за внимание, но за первые четыре месяца я ответил уже на 700 писем. Почти треть месячной пенсии ушла на конверты. Но это мелочь, главное — на ответы потратил массу времени. Вынужден надолго отрываться от написания книг, экспериментов, а ведь это — главное дело моей жизни. Ну да, ладно, давайте...

Вместе с письмами читателей вручаю несколько контрольных фотографий. С людьми, зафиксированными на них, я детально поговорил перед отъездом, чтобы потом в Москве сравнить их информацию, с той, которую выявит экстрасенс.

...Во время сеанса Владимир Иванович был неподвижен, ни в жестах, ни в интонации также не было ничего особенного: человек беспристрастно рассматривает фотографии и рассказывает, что он на них видит. Но то, что он «видел», просто ошеломило. Сафонов смотрел словно не на снимки, а в какое-то только ему заметное зеркало, и там рассматривал живых людей, которые в это время находились за тысячу или несколько тысяч километров отсюда, и мертвых, покинувших этот мир недавно или много лет тому назад. У тех и других он замечал даже подробности: кто любит или любил надевать, какая у них походка и т. д. Называл места травм, главные заболевания. Угадывал наклонности — например, безошибочно указал, что ребенок на одном из снимков — перчаточный левша. «Видел» такое, что человеческому глазу недоступно: затемнение в легких, следы перенесенного туберкулеза...

Точность «попаданий» экстрасенса при диагностировании была поразительной: в контрольной группе снимков он допустил всего одну ошибку. Правда, в некоторых случаях я не имел предварительной информации, поэтому не с чем было сравнить. Однако, вернувшись до-

мой, переговорив с людьми, изображенными на фото, убедился: прав был все-таки Сафонов. А в одном случае женщина даже не знала про небольшую опухоль у себя в груди и обнаружила ее после того, как я сообщил ей о прогнозе экстрасенса.

Удивляло и то, что «видел» он и части тела, не изображенные на фотографиях. Скажем, на одном из снимков была изображена голова женщины на телеэкране. Причем, сама женщина пребывала тогда в Братиславе, в телестудии, откуда велась трансляция, а фотограф зафиксировал ее изображение в Киеве, на одном из рабочих мониторов республиканского телевидения. Однако это «усложнение» не помешало Сафонову точно назвать главные недуги и даже рассмотреть небольшой тромб на правой ноге и посоветовать, как от него избавиться.

— А без фото? — спрашиваю Владимира Ивановича. — Вы, например, могли бы диагностировать меня прямо сейчас?

— Конечно, — беспристрастно отвечает Сафонов, и, спокойно, как-то даже сонно, рассматривая меня, говорит, что я — единственный ребенок у родителей, что и сам имею одного ребенка, называет заболевания, которые я перенес раньше и от которых страдаю сейчас. От его «взгляда» не ускользнули рубцы в левом легком (их видно на всех моих рентгеновских снимках), небольшой шрам на правой ноге, о котором я давно уже забыл. Сафонов ошибся в происхождении ранки, допустив, что она от укуса собаки, хотя на самом деле след оставил ожог в раннем детстве. Но ведь «увидел» сквозь обувь!

У меня, честно говоря, перехватило дыхание. Заметив мое состояние, Сафонов снова улыбнулся:

— Все это слишком простые задания. Как-то мне удалось диагностировать человека, чей образ исследуемый представил за две недели до сеанса, а потом забыл. Впрочем, вам, наверно, было бы интересно познакомиться с некоторыми материалами научных экспериментов.

...Листаю официальные акты и протоколы, подписанные профессорами, докторами и кандидатами наук, заверенные печатями, а самого не покидает ощущение полусказочности, нереальности того, что происходит. Ну как, например, оценить такой опыт в научной лаборатории: Сафонов не просто указал на изображенных на непроявленной фотопленке (подчеркиваю, на непроявленной к моменту эксперимента), но и безошибочно определил несколько заболеваний, патологий, от которых страдали сфотографированные — совсем не знакомые ему люди.

Некоторые опыты были проведены случайно, о чем свидетельствует такое письмо.

«Я, Фролов В. Е., обратился к Сафонову В. И. с просьбой определить по фотографии, на которой изображены три собаки, мою собаку и сказать, жива она или нет, потому что она потерялась. Сафонов В. И. быстро определил на фото именно мою собаку, точно указал места ее старых травм и заверил, что собака жива! 13 февраля 1987 года я нашел собаку целой и невредимой.

Заместитель директора Московского зоопарка Фролов В. Е.»

Были и шутки, которые неожиданно заканчивались серьезными и загадочными результатами. Скажем, ныне покойный доцент МАИ Ф. Ю. Зигель предложил в свое время Сафонову продиагностировать... нескольких православных святых, называя их имена. И что же? В большинстве случаев прогноз экстрасенса совпал с биографическими данными, приведенными в церковной литературе. И так, в «Житиях святых» говорится про реальные события, происходившие с реальными людьми? Конечно, найти научно взвешенный, подтвержденный фактами ответ на этот вопрос невозможно, а вот в другом подобном случае подтверждения нашлись. Сафонову зачитывали из книги имена монархов, деятелей литературы и искусства разных эпох, а Владимир Иванович предсказывал причину смерти каждого. И что же? В большинстве случаев ответы экстрасенса совпали с биографическими

данными, приведенными в печатных источниках. Но ведь до этого Владимир Иванович даже не слышал про деятелей, которых диагностировал!

ВСЕ ЛИ МЫ ВИДИМ!

— Ну, как вы сами обнаружили в себе такие способности? Что послужило толчком?

Сафонов и тут не нарушает традиции неразрывно связывать обыденное с необычным, и наоборот. По его словам, к тайне привела привычка инженера-строителя скрупулезно докапываться до сути в каком бы то ни было малоизвестном деле. Начал изучать собственные возможности, искать книги, исследователей, экспериментаторов, которые могли бы сообщить что-то новое. Таким образом, в результате познакомился с Вольфом Мессингом.

— Кстати, знакомство было курьезным, — вспоминает, улыбаясь, Владимир Иванович. — Меня ввели в зрительское жюри на одном из выступлений Мессинга. Когда «маэстро» зашел в зал, чтобы найти ручку, только что спрятанную одной из зрительниц, я мысленно (подчеркиваю — молча, лишь в мыслях) адресовал его в неправильном направлении — к одной из колонн. Никогда не забуду этого момента! Мессинг внезапно обернулся ко мне и сказал: «Уважаемый, не мешайте! Если бы ручку положили на капитель колонны, как вы это утверждаете, для этого нужна была бы лестница, да и времени для такого «восхождения» нужно было бы значительно больше, чем в данном случае. Ручка — вот тут». И под аплодисменты зала легко нашел ее. После выступления сошлись ближе. Знакомство с этим уникальным человеком очень многое открыло мне.

Сафонов не считает свои возможности чудесными. Да, они интересные, но не больше, чем, например, манера живописца. Рисовать могут научиться практически все, но художниками, причем самобытными, оказываются единицы. И при этом каждый талантливый живописец имеет неповторимое творческое

лицо. Приблизительно так распределяются способности в экстрасенсорной сфере. Выявить их и развить до известной степени, по мнению Сафонова, можно у любого здорового человека.

Ничего особенного не находит Владимир Иванович и в собственной биографии. Коренной москвич, всю жизнь работал инженером-строителем. В Отечественную воевал в роте автоматчиков, был тяжело ранен. Имеет двух взрослых дочерей.

Сейчас все больше времени занимает литературная работа — хочет детально и разносторонне рассказать про феноменальные возможности, заложенные в биополе человека, информационном поле планеты.

— Ну, а как вы все же объясняете диагностирование по фотографии?

— В рамках короткой беседы этого не объяснить. Феномен этот предстоит изучать, и на этом пути исследователей ждет немало открытий.

ТЕМ, кто хочет поискать отгадку в свете достижений современных естественных наук, Сафонов советует вспомнить явление голографии. Этот метод дает возможность записывать пространственные структуры световой волны и получать объемное изображение предмета даже по незначительной детальке. Определенные аналоги можно найти и в методике диагностирования по фотографии — похожее создание целого из маленькой частицы или фрагмента.

Впрочем, что касается этой тайны природы, выдвинуты разнообразнейшие гипотезы и предположения. Достаточно вспомнить утверждение известного астрофизика Дж. Джеймса о том, что нас окружает особый параллельный мир, о котором мы, к сожалению, до сих пор имеем очень приблизительное представление. Теоретики приходят к выводу о существовании четвертого измерения пространства, о наличии антимиров и т. д. Но эти идеи либо еще не имеют достаточного теоретического обоснования в рамках общепринятых научных

концепций, либо не получили экспериментального подтверждения.

О существовании загадочного ирреального мира высказывались предположения и в далеком прошлом. Вспомним хотя бы утверждение Лейбница о том, что из одной монады (так в некоторых философских системах принято называть наипростейшие неделимые единства, своеобразную первооснову явлений) можно создать общую картину мира. Ну, а вывод В. И. Ленина в «Философских тетрадах» о том, что материальный мир имеет своеобразное зеркалоподобное отражение?..

Вне всякого сомнения, материя значительно сложнее, чем мы ее сейчас представляем. В ней заложены разнообразные программы саморазвития и самосовершенствования. И все процессы в ней информационные. Когда мы научимся считать эту информацию (диагностика по фотографии — лишь один из таких способов), нам придется многое изменить в представлениях об окружающем мире.

— Считаю, мои эксперименты застаивают многих «знатоков» природы засомневаться в том, что все вокруг нас происходит именно так, как описано в учебниках и многих монографиях, — улыбается Сафонов. — Если информацию про умершего можно брать при необходимости, словно книгу с библиотечной полки, то она где-то, очевидно, хранится, причем в полностью упорядоченном состоянии. А может, это доказательство того, что после смерти собственное «я» (сегодня мы его чаще называем биополем, раньше — душой) не умирает, а переходит в иную субстанцию, откуда ее можно возвращать?

Да, эти понятия не укладываются в общепринятые каноны. Правда, все это перекликается с представлениями наших предков о бессмертии души, загробную жизнь духовного «я». А может, они были более близки к истине? Сколько тут еще неразгаданного, загадочного? Даже простые эксперименты Сафонова доказывают, что граница между духовным и материальным очерчена не так

резко, как это принято представлять. Например, при исследовании в Институте нормальной физиологии АМН СССР установлено: при воздействии Сафоновым на исследуемого в организмах обоих происходят сложные биохимические изменения. Такие же результаты получены и у других экстрасенсов. Почему? Что за механизм тут действует? И какой бестелесный «дух», который не может зафиксировать ни один прибор, излучается человеческим организмом, вызывая такие ощутимые перемены в материальной среде?

— **В**ЛАДИМИР Иванович, а в информационном поле планеты находятся сведения и о будущем?

— Думаю, да. Люди, наделенные даром ясновидения, убедительно подтверждают это. Убедился в этом на собственном опыте, побывав в Болгарии у всемирно известной Ванги. Слепая женщина точно назвала мне события и в моей прошлой жизни (и в жизни членов моей семьи тоже), сумела предсказать кое-что из того, что произошло вскоре после нашей встречи. Я тоже иногда пытаюсь «заглянуть в будущее». Например, во время одного из экспериментов угадал подряд пятерых абонентов, которые могли мне позвонить — за пять-шесть минут до звонка называл их имена. «Попадание» было стопроцентным. Выиграл несколько пари, угадывая людей, с которыми на следующий день встречался в метро... Подобных случаев можно назвать немало, однако, это не та степень совершенства, которой можно достигнуть в предсказании событий, человечество и тут накопило немалый опыт. Не менее существенны и этические требования: я никогда и никому не прогнозирую будущее, даже тогда, когда имею более-менее достоверную информацию: считаю, после этого жизнь утратит смысл...

Человечество стоит на пороге глобальной революции в познании мира. И не стоит цепляться за старое, следует смелее идти вперед в поисках истины.

СОДЕРЖАНИЕ

За день до вечности	2
Роберт Пресли	
Дьявол и отец Франсиско	6
Артур Гордон	
Старым друзьям	10
Александр Аделунг	
Таежный детектив	11
Валерий Привалихин	
Не тряси фамильное древо	18
Дональд Уэстлейк	
Поисковая партия	23
Дмитрий Лебедихин	
Отблеск параллельного мира	29
Александр Ракин	

Издание подготовлено кооперативом «Свиток» при Средне-Уральском книжном издательстве и журнале «Уральский следопыт».

Под седьмым выпуском «ПиФа» работали: И. Кузовлев, М. Пудовкин, С. Казанцев, С. Гаврилова, И. Любарский, Л. Иокитулшо, О. Нагибина, М. Козловский, О. Аржанников, Г. Ходжаев.

Художник Д. Лебедихин.

Ответственный за выпуск С. Мешавкин.

ПиФ. Приключения и фантастика: сб. остросюжетных рассказов. Сборник содержит приключенческие, фантастические рассказы и публицистические материалы советских и зарубежных авторов.

Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во. 1990 — 32 с. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,0. Уч.-изд. л. 4,42. Зак. № 145. Тираж 110000 экз. Цена 70 коп.

Подписано к печати 14.03.90. НС 15088.

Средне-Уральское книжное издательство и журнал «Уральский следопыт».

Типография изд-ва «Военный железнодорожник».

Наш адрес: ул. Декабристов, 67.

«ПДФ» ОХОТНО ПРЕДОСТАВИТ СВОЮ ПОСЛЕДнюю СТРАНИЦУ УЧРЕЖДЕНИЯМ, ПРЕДПРИЯТИЯМ, КООПЕРАТИВАМ ДЛЯ РЕКЛАМЫ, ИНФОРМАЦИИ, ОБЪЯВЛЕНИЙ. ПОДРОБНОСТИ ПО ТЕЛЕФОНУ 22-10-74.

